

Александр Заиконников

16+

РОССИЯ И ЕВРОПА Начало Руси

І ТОМ

Александр Заиконников

**Россия и Европа.
Начало Руси. I том**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Заиконников А. Г.

Россия и Европа. Начало Руси. I том / А. Г. Заиконников —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга о раннем европейском Средневековье. Оригинальный авторский взгляд на начальную русскую историю, отличающийся от господствовавшего длительное время убеждения, что цивилизационный "развод" Руси и Европы состоялся в ордынскую эпоху. Древняя Русь даже в начальный период своей истории не была "продуктом" западноевропейской (латинской) цивилизации. Решающее влияние на формирование Древнерусского государства оказали Скандинавия, Византия и Хазарский каганат. Первый том посвящен "догосударственной" истории восточных славян, анализе сведений о первоначальной Руси, сохранившихся в западноевропейских, арабских и византийских источниках, а также анализу материалов, добытых в результате археологических изысканий. В первом томе также рассматриваются история Восточно-Франкского и Западно-Франкского королевств, образовавшихся после раздела Империи Карла Великого, история англосаксонских королевств, история первых западнославянских государств, история папства периода Порнокрации.

© Заиконников А. Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	6
Пролог	9
У истоков Руси	17
Восточные славяне и скандинавы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даже Лютер выразился однажды, что мир обязан своим возникновением забывчивости Бога: дело в том, что если бы Бог вспомнил о «дальнобойном оружии», то он не сотворил бы мира. Но по временам та же самая жизнь, которая нуждается в забвении, требует временного прекращения способности забвения; это происходит, когда необходимо пролить свет на то, сколько несправедливости заключается в существовании какой-нибудь вещи, например известной привилегии, известной касты, известной династии, и насколько эта самая вещь достойна гибели. Тогда прошлое ее подвергается критическому рассмотрению, тогда подступают с ножом к ее корням, тогда жестоко попираются все святыни. Но это всегда очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т. е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи.

Ф.В. Ницше. "О пользе и вреде истории для жизни".

Предисловие

Согласится ли с нами читатель или нет, но старую, еще кантовскую антиномию о предопределении и свободе воли, мы разрешим здесь и сейчас (хотя бы только для видимости) в пользу свободы воли. Это означает, что мы, по крайней мере, верим в то, что ткань нашего будущего плетем мы сами. А поскольку мы, или, точнее, согласно предпринятому в этой книге рассмотрению, наше государство, его народ прошли определенный исторический путь, прежде чем стать тем, чем они являются в настоящий момент, то, стало быть, этот их исторический путь и содержит ответы на главные вопросы: кто мы есть; и куда идем? И как кажется, все, что нужно для того, чтобы ответить на них – это проявить интерес к своей истории.

Для чего мы предприняли этот труд? – История, взятая как чистый академизм, то есть как предлагаемый к запоминанию набор событий, имен, дат, цифр нас не интересует. Нас интересует история, взятая как диалектика человеческой жизни, как феномен причинно-следственных связей, как работающий по определенному алгоритму генератор событий. Любая эпоха, любой исторический период имеют определенные качества – свою форму и свое содержание, свою эстетику, свою красоту... Почему одно с течением времени переходит в другое? Почему что-то изначально было одним? А затем, по прошествии времени, стало чем-то новым? Время течет и приводит к изменениям в жизни человека и эти изменения несут в себе толику очарования. В одних случаях результатом становится терпкое чувство ностальгии о чем-то давно утерянном, о минувшем и о лучшем сравнительно с тем, что стало. В других случаях, результатом оказываются куда более важные вещи – рождается своего рода генетическая память, объединяющая людей в народ и позволяющая думать и чувствовать одинаково. Нет, и не может быть русских людей, так и не открывших для себя красоты в русской старине и не испытывающих удовольствия от вида луковичных куполов, от колокольного звона, от быстро скачущих троек с бубенцами, от тульских пряников и от самоваров. В более широком смысле, чем приведенный пример с национальной культурой, история России выступает связующим звеном между миллионами русских. Через одинаковое чувство истории эти миллионы представляют единый народ.

Нам все же кажется, что настоящие русские люди не могут разделять того взгляда на свою историю, который ставит в вину Российскому государству пройденный им исторический путь, а его народу ставит в вину приобретенную им за этот период самобытность. Мы не считаем Россию плохой страной. Мы не считаем Россию также несчастливой страной, татарское иго – позором, деспотизм и религиозность Московии – мракобесием и уродством, а советский строй – преступлением против человеческой природы. Не считаем, прежде всего, потому, что и первое, и второе и третье стало неотъемлемой частью русской истории. И у нас нет другой истории. – Без ордынского ига, без крепостничества николаевской России, без сталинской коллективизации, без суздальцев и новгородцев убивавших друг друга в 1216 году в Липицкой битве, а также без красных и белых истреблявших друг друга в гражданской войне 1918-1922 годов. Мы – результат всего перечисленного и находимся сейчас на самом конце этого длинного и сплетенного из множества нитей полотна событий. И с этой точки зрения лишено всякого смысла бичевание русской истории и всякое очернение ее.

Однако это бичевание и очернение, следует отличать от критического осмысления. Разница заключается в уважении. В первом случае, уважения нет, во втором – оно присутствует. Критический анализ не только допустим, он необходим, это то единственное, что позволяет использовать знания о прошедшем в интересах будущего. С одной стороны, мы не должны допускать мысли, что в историческом отношении есть кто-то лучший, чем мы, но с другой стороны, мы точно также не должны допускать мысли, что мы сами лучше кого-то другого. Не ненавидеть, не презирать, а понимать, оставаясь собой – таков принцип. Историческое само-

уничужение и совершенно некритичное отношение к себе, без малейшего желания видеть что-то вокруг – в действительности явления одной природы. Историческая система сложна как раз тем, что в ней никто сам себе до конца не принадлежит. Россия не была рождена одной Россией, Франция, точно так же, не была рождена одной лишь Францией. Любой народ и любое государство – это всегда плод коллективного труда. Слишком уж большое количество факторов влияют на общий исторический результат, чтобы можно было позволить себе смотреть на этот вопрос узконационально.

Замысел данной работы родился исключительно из этого соображения. – Из желания сравнить себя с другими или просто оглядеться вокруг. Не будем развивать и тем более доказывать эту старую как мир истину, что все познается в сравнении, а вместо этого скажем уже несколько слов по существу. Непосредственная задача была в том, чтобы объединить в одном труде, под одной обложкой, описание как отечественной, так и зарубежной истории. Задача весьма нелегкая, если не сказать рискованная. Нам во всяком не известен никто, кто бы на полном серьезе предпринял точно такую же работу. Речь подчеркнем, идет именно о совместном описании российской и зарубежной истории, в их взаимосвязи, или как минимум, во временном наложении друг на друга. Может быть, таким подходом нарушается академический принцип единства предмета? Действительно, если пишешь о России, то пиши о России, если пишешь о Германии, пиши о Германии, если пишешь о Франции, пиши о Франции, но не мешай одно с другим и не сваливай все в одну кучу. Может быть, дело еще и в том, что совместное рассмотрение российской и зарубежной истории, рассмотрение панорамное, глубокое, предъявляет чересчур высокие требования к содержанию работы. Нельзя преуспеть в равной степени одновременно во всем. Научной может быть только специализация, а там где ее нет, соответственно не может быть и науки. Не будем скрывать, что если бы автор ощущал свою принадлежность к высоким и скучным академическим кругам, он никогда не отважился бы на эту работу. Не будучи же их частью, все оказывается проще. В таком случае действует принцип: «нечего терять». Можно позволить себе сойти за дурачка, за юродивого... Пусть думают и пишут, что хотят, от автора все равно ничего не убудет.

Временной период, рассматриваемый в этой работе – Раннее Средневековье, но без XI века. Можно сказать, что в фокусе исторического повествования находятся IX и X века – это первые два столетия официальной русской истории. Относительно более ранние периоды рассматриваются только для того, чтобы отследить общее течение исторического процесса и установить взаимосвязи между разнесенными во времени (и в пространстве) историческими событиями. Данное предисловие было написано уже после того как работа была окончена. Ее результаты самого автора удовлетворили лишь отчасти, хотя сам процесс не разочаровал. Муки творчества, в некотором роде, приятные муки. Что удалось и, что не удалось? Мы получили в итоге сравнительное описание истории европейских народов и их государств. В таком итоге, нет, и не может быть ничего предосудительного, если не замахиваться на большее, и не пытаться с самого начала выстроить систему, доктрину или теорию. Системы у автора не получилось, но с определенной точки зрения, это может быть даже плюсом. Эклектика, конечно, препятствует пониманию, но зато она всегда честна и не вынуждает автора притягивать к умозрительным конструкциям исторические факты за их длинные уши.

Учитывая объемы наработанного поколениями историков материала и то, что обо всем, о чем можно было рассказать, уже давно рассказано и пересказано, представленная работа, конечно же, не содержит чего-то принципиально нового, ни с точки зрения фактического материала, ни с точки зрения озвученных (а если быть точным повторенных) исторических гипотез. Последние, кстати, не самоцель, а необходимое зло, так как мы имеем дело с затянутой непроглядным туманом начальной русской историей. Нам не очень-то нравится строить предположения, но утверждать, что-то наверняка, при отсутствии к тому достаточных оснований еще хуже. Поэтому мы воздерживались как могли от утверждений всякий раз, когда не чувствовали

за собой права их делать по причине недостатка источников. Наречия «возможно», «по-видимому», «вероятно», «не исключено», которые читатель сможет встретить на страницах данной работы, сигнализируют ему о том, что следующие за ними выводы, ни в коей мере не являются утвердительными по форме. Испытывая внутреннее недоверие к жанру «folk history», мы менее всего хотели бы прослыть в образе первооткрывателей на этом скользком псевдоисторическом поприще. И та критика, которая иногда (хотя и не часто) озвучивалась нами в адрес некоторых научных подходов, взятых на вооружение некоторыми нашими историками, не имеет ни в коем случае своей целью выход автора за границы академического поля. Поводом к этому служило лишь стремление отстоять многообразие исторических подходов и неприятие автором такого положения дел, когда умозрительные теории утрачивали бы свою служебную роль, и исторические факты призывались бы на службу этим теориям. – Если есть вопросы, которые историческая наука не в состоянии разрешить из-за недостатка сведений о том или ином событии, нет ничего плохого в том, чтобы оставить эти вопросы нерешенными.

Учитывая широкий временной охват и значительные объемы исторической научной литературы, приходилось на чем-то экономить: какие-то вопросы не осветить вовсе, а о чем-то рассказать вскользь. Недостатком изложения внимательный и пристрастный читатель может признать некоторую несбалансированность работы. Истории Византии посвящено значительно больше места, чем, скажем, истории любой из отдельно взятых стран (либо частей) Западной Европы. Применительно к Франкскому королевству остался без рассмотрения его меровингский период. Длительное время мы размышляли, уделять ли внимание шотландской истории? Критериями отбора служили связь тех или иных событий с древнерусской историей, либо влияние этих же событий в целом на мировую историю.

Структурно книга делится на четыре части (не считая пролога и заключения со сравнительной хронологией). Первая часть посвящена постановке проблемы древнерусской истории. Вторая часть посвящена латинской (католической) Европе. Третья часть, названная нами «Другой Европой» – раннесредневековому исламу и его влиянию на европейскую историю, а также Скандинавии, Византии и Хазарскому каганату. Ну и в четвертой части рассказывается о дохристианском периоде жизни Древнерусского государства, повествуется о правлении князя Игоря, княгини Ольги и о походах Святослава. Если так можно выразиться, центр тяжести оказался смещен именно к концу работы, изложение там становится более подробным, уделяется внимание деталям, увеличивается и усложняется набор источников.

Абсолютной непредвзятости при описании исторических событий, как, впрочем, и «абсолютного знания» быть не может. Каждый человек смотрит на окружающий его мир через призму его собственного «Я». Смотрит на окружающий мир через призму собственного «Я» и сам автор. Поэтому, действительно полезное, что он мог бы сделать для истины (если предположить, что объективная истина вообще существует), это не ждать от читателя, чтобы тот разделил с автором его мнение. Знаменитое лютеровское: «Я тут стою», всегда и для всех должно оставаться принципом. Где будет стоять автор, он уже решил, а где будет стоять читатель, следует решить самому читателю. Сойдемся на том, что эта работа была написана по-монтеневски, то есть, для себя самого, хотя автор, несмотря ни на что, все же дорожит мнением о ней читателя.

Пролог

Как правило, первое с чего начинается описание истории России – это обращение к Повести временных лет. Мы немного отступим от этого правила и вспомним о событиях, происходивших в мире во времена предшествующих зарождению Руси. Сама Русь как военно-политическое образование, имевшее государственные признаки, если доверять Нестору (либо другому автору Повести временных лет) появилась в IX веке. Однако не менее важен вопрос: что предшествовало Руси? Люди, населявшие государство не могли появиться одновременно с ним, они какое-то время там уже жили. Как долго они жили на этих землях? Откуда и когда они на эти земли пришли? В этом месте история сталкивается с самой большой своей проблемой – с неизвестностью. Письменных источников IX века, во всяком случае, таких, которые были бы нам известны, у племен населявших Древнюю Русь не было. Не было обнаружено письменных источников, оставленных ими (кроме двух дипломатических договоров) и в X веке. Повесть временных лет появилась только в начале XII века, хотя, как принято считать, и основывалась на более ранних летописях.

Письменные источники близкой к Руси Византии, а также сравнительно более ранние источники римского периода, не дают достаточно четкого ответа на вопрос, что происходило на территории будущего Древнерусского государства до IX века. Сведения, добытые археологами, а также из косвенных источников, достаточны лишь для того, чтобы делать самые общие выводы.

1. Территория

Недостаток информации о событиях предшествовавших образованию древнерусского государства объясняется его периферийным положением. То были бескрайние поросшие лесами земли в стороне от цивилизованного мира. Древнерусское государство сформировалось на Восточно-Европейской равнине, точнее в ее западной части между Карпатскими горами и Среднерусской возвышенностью. В широтном направлении это было среднее течение Днепра и дальше на север к верховьям Волги и еще дальше на север, к берегам Ладоги (озеро Нево). Обширная территория, по площади превосходившая Византию. Византия, занимавшая крайний юг Балкан, часть Италии и Крыма и почти всю Малую Азию, как наследница Римской империи, была в Европе V-XI веков культурно и технически наиболее развитым государством. И она же находилась ближе других европейских стран к тем землям, на которых возникло Древнерусское государство.

К югу и юго-востоку от древнерусских земель, в пространстве между низовьями Днепра и низовьями Волги простиралась земля, находившаяся под влиянием Хазарского каганата. Сама Хазария была весьма необычным военно-политическим образованием, компактный центр которого в разное время располагался то в бассейне Терека, то в низовьях Волги. В любом случае, это была узкая полоса прикаспийских земель. Военно-политическое влияние Хазарии распространялось при этом далеко на север – до Средней Волги и на запад – до Днепра. Непосредственно каганом эти земли не управлялись, племена, населявшие их, всего лишь платили хазарам дань.

Иных развитых государственных образований, кроме Византии и Хазарского каганата вблизи тех земель, что в начале X века вошли в состав Древнерусского государства, не существовало. Считается, что климат на широтах Восточно-Европейской равнины в те времена, как и сейчас был умеренным. Отчетливо выделялись четыре времени года. И тем не менее по изменению уровня Каспия за прошедшие столетия можно судить о том, что некоторые отличия климата все же были. Отличалось, например, количество осадков. В VIII-IX веках на участке водосбора Волги их выпадало значительно меньше, чем сейчас и весьма незначительно температурный фон (было теплей). Юг древнерусских земель находился в лесостепной зоне, а центр

и север – в лесной. Почвенный слой в основном представлял лесной суглинок и только на самом юге был чернозем. Антропологическое вмешательство в окружающую среду, учитывая натуральный характер хозяйствования славянских племен, было низким. Животный мир был разнообразным и многочисленным, в том числе и по ценным пушным породам зверя. Дорожная сеть была развита слабо. Пространство «аннигилировалось» удобной связью по Днепру, Волге, Западной Двине, Волхову, а также по множеству других рек и речушек, пригодных для примитивного судоходства.

2. Исторический фон

В IV-VIII веках в Европе имел место ряд событий, оказавших решающее влияние на ее последующую историю. Период, начиная от гибели классической античной культуры до ее возвращения (в лучшие европейские умы) в эпоху Ренессанса, называют Средними веками. Средневековье – достаточно темный период европейской истории. Иногда все Средние века именуют Темными веками, а иногда данный термин относится к промежутку от возникновения первых варварских государств и до начала Крестовых походов. Этот период, с V по XI век еще принято называть Ранним Средневековьем. В одной известной песне поется про то, что у природы не бывает плохой погоды. По аналогии можно сказать, что не бывает и плохих периодов у истории. Атмосфера, в которой с V по X-XI века формировались европейские народы, имела собственный ни с чем несравнимый колорит. Все происходившие в то время процессы двумя словами не опишешь, однако выделить главное все же возможно.

Первое – это, конечно же, торжество христианства. В 312 году нашей эры император Константин Великий уравнивал христианство с язычеством в подконтрольной ему части Римской империи. Христианство стало пробивать себе дорогу задолго до победы Константина у Мульвийского моста (312) и закрепилось в империи вовсе не сразу после этой победы. Впереди была и борьба Константина с его восточными соправителями, и языческий период правления Юлиана Отступника. Однако независимо от того сколь долог и тернист был этот путь, именно христианство на развалинах Римской Империи стало «*Idée fixe*», вокруг которой начала складываться новая Европа.

Второе – это грандиозные по своим масштабам этнографические изменения. За какие-то два столетия все в Европе поменялось до неузнаваемости. И при этом, не один раз. Если во II веке н.э. германские племена готов обитали где-то в районе Балтики, то в IV веке мы видим их господствующими в причерноморских степях. В начале V века готы уже в самом центре цивилизованной Западной Европы. В 410 году одна их часть (вестготы) захватывает Рим, через пару десятков лет она же осваивается на юго-западе Галлии (Франции), а еще через пару поколений занимает Испанию. И это всего лишь один из союзов германских племен. А сколько их было? – Вандалы, свевы, лангобарды, бургунды, саксы, салические и рипуарские франки. И все эти человеческие массы постоянно перемещались. Вандалы во главе с Гейзерихом через Иберию (Испанию) проникли в Африку и дошли до Туниса. Оттуда переправились на итальянский берег и в 455 году в свою очередь (после вестготов) разграбили Рим. Из негерманских племен захваченные общим течением метались по Европе аланы. Ужасные гунны в общем контексте, оказались в действительности, не такими ужасными. Угрожая и Риму и Константинополю, ни того ни другого они так и не взяли. Генеральное свое сражение против объединенных сил римлян и германцев гунны проиграли и вообще оказались народом одного правителя – после ухода из жизни Атиллы, они до неприличия быстро исчезли, оставив всех в большом замешательстве. Какое влияние гунны оказали на этнографический характер Европы (если вообще оказали) и кем они были, монголоидами, прототюрками, достоверно сейчас мы не знаем. В итоге, к середине VI века, когда процесс переселения народов начал ослабевать, в бурлящем европейском котле уже можно было различить заготовки будущих европейских наций. Этнографическая карта Западной Европы стала по преимуществу германской, а этнографическая карта Восточной Европы – по преимуществу славянской.

Третье – это Византия. Как известно рыба гниет с головы. Однако наблюдая за тем, как разворачивались события на просторах стареющей Римской империи, утверждать, что в провинциях сохранилось больше здоровья и сил для борьбы, чем в Риме было бы неправильно. Ситуация выглядела критической везде, и новый город основанный (или возрожденный?) императором Константином на месте старого Византия, вряд ли имел больше шансов на успех в борьбе с варварами, чем тот же Рим, или скажем какой-нибудь Гиппон Регий, как и Рим захваченный и разграбленный в свое время вандалами. Однако судьба хранила Константинополь. Зажатый между смертельно опасными тогда Сасанидами и многочисленными, постоянно перемещающимися германскими, кельтскими и славянскими племенами, он пережил и поражение Валента II от готов при Адрианополе (378 г.), и ставший катастрофичным для Запада (но при этом относительно спокойным для Востока) период правления императора Феодосия II (408-450 гг.). И хотя Атилла был еще жив и пугал всех своими дикими ордами, к середине V века стало понятно, что дела у Западной Римской империи шли значительно хуже, чем на Востоке.

Население Византии почитало себя римлянами (или «ромеями») едва ли не до османских времен. И тем не менее после Юстиниана, это было уже другое государство, и населял его, можно сказать, новый народ. Жирная черта, отделившая Византию от Западной Римской империи, была проведена в V веке. Эта же черта отделила Византию и от возникших на обломках Западной Римской империи германских государств. Разделение произошло как по линии языка – говоривший на греческом Восток, против латинского Запада, так и по линии религии и культуры. Римский понтифик Лев I настолько рьяно взялся за утверждение своего главенства в христианском мире, что в скором времени его активность закончилась решительным и непреодолимым разводом Святого Престола и Константинопольского патриархата. С точки зрения латинского Запада, греческое православие приобрело со временем форму ереси, сравнимой с арианством. Отношение к католицизму среди православных было ничуть не лучше. Добавим к этому остатки имперского величия, бережно сохраненное от разграбления богатство и высокий уровень материальной культуры Константинополя. Все это контрастировало с нищетой, разрушенного варварами и вконец одичавшего Запада. Факторы религии и культуры были решающими не только в отношениях между Западной Европой и Византией, но также и в отношениях между Западной Европой и Россией унаследовавшей от Византии, как ее православную культуру, так и отчасти ее имперское самосознание.

И последнее, что также следует выделить – это «вызовы». Есть мнение, что цивилизация формируется как ответ на вызов, внешний либо внутренний. И западная христианская и восточная христианская цивилизации оказались на рубеже VII-VIII веков перед лицом общей для всех опасности. Появление в VII веке ислама на западе Аравийского полуострова, запустило опасную цепь событий. За короткое время арабскими племенами были завоеваны обширные области, от Средней Азии на востоке, до Вестготского королевства на западе.

Спасителями Европы от вторжения перешедших Пиренеи арабов стали франки. Салические франки легендарного Меровея, в 451 году на Каталунских полях открывали сражение с гуннами (или их союзниками) и победили в союзе с римлянами и вестготами. Франки Карла Мартелла в 732 году при Пуатье, уже в одиночку, встретили арабо-берберское войско и добились спасительного для западного мира исхода. Христианство взяло верх над исламом также и на востоке. Сильно изменившаяся при Юстиниане и Феодоре Византия, несмотря на постигшие в последующие столетия удары судьбы, оказалась достаточно сильной, чтобы со своей стороны закрыть путь арабам в Европу. В 718 году войска Омейядского халифата целый год осаждавшие Константинополь, понесли большие потери от действий византийского флота и от болгарской армии, а также от голода и сопровождавшего голод страшного мора, были вынуждены отступить, не добившись результата.

Еще одним вызовом, чуть позднее, в IX-X веках стали норманны. После разграбления скандинавскими пиратами в 793 году монастыря на Линдесфарне, потянулась бесконечная череда их морских набегов на Британские острова и на северо-западное побережье материковой Европы. Англо-саксонские королевства в Британии оказались под ударом. Пришельцы с севера по-хозяйски обосновались и на южных берегах Ла-Манша (герцогство Нормандия). Однако в случае если скандинавы оставались на захваченных ими землях, они очень быстро христианизировались и практически бесследно растворялись в местной этнической массе.

Приблизительно в то же время приобрела свои законченные формы империя Карла Великого. В 800 году Карл принял императорский титул в Риме, желая продемонстрировать преемственность между Римской империей и той державой, которую он теперь создал сам. В действительности, империя Карла Великого не имела никакого отношения к разрушенной Римской империи, хотя она и придала организованности европейскому миру. Порядок же, как это хорошо известно, рождает благосостояние. Походы викингов на зажиточные (в сравнении со всей остальной Европой) франкские земли, предпринимались с целью банального грабежа. Что касается земель к востоку от франков – северной части Германии, никогда не бывшей римской и населенной все еще не принявшими христианства саксами, и далее, к востоку, в сторону Одера (там начинались земли славян), то захватывать в этих землях (кроме рабов) было особенно нечего. Скандинавская экспансия на востоке, носила по этой причине, несколько иной, чем на западе характер.

Что еще могло заинтересовать викингов? – Величественный константинопольский двор. Все мы слышали про варяжскую стражу на службе у византийских императоров. Скандинавы были не против испытать удачу в Царьграде, – как на службе у басилевса, так и в безмерно любимом ими деле грабежа. Однако попасть в Византию было непросто. Морским путем приходилось огибать всю Европу, продвигаясь мимо областей, население которых относилось враждебно к норманнам. Самым коротким и относительно спокойным путем в Византию, был путь по речным системам Восточной Европы, через земли славян.

3. Славяне

Первые упоминания о славянах мы встречаем у древнеримских авторов. Но непосредственно со славянами римляне не общались, поэтому и информация у них весьма скудная. Плиний Старший живший в I веке нашей эры и служивший в Германии, слышал, что за ее пределами находятся земли населенные негерманскими племенами. Говоря о Скифском (Балтийском) море, Плиний среди племен, населявших его юго-восточные берега, упоминал германцев, сарматов, венедов, скифов и гирров. Из перечисленных племен венеды были славянами. Это следует из того, что название «венеды» использовалось и в более поздние времена. Готский историк Иордан в VI веке писал о многочисленности венедов и о том, что они именуются еще «склавидами» и «антами». Римский историк Тацит, разделял венедов и германцев, но в то же время, отмечал, что венеды по образу жизни были ближе к германцам чем к кочевникам сарматам.

Плиний Старший помещал земли венедов между территорией занятой германцами и племенами фенов. Если северные германские племена жили тогда к востоку от Эльбы, то соответственно далее, в междуречье Одера и Вислы должны были начинаться земли славян. Восточную границу этих земель определить сложно, возможно это было южное побережье Рижского залива. Дальше на восток, в уходящих в бесконечность лесах обитали финны.

Численность венедов, начиная с I века нашей эры, постоянно возрастала. В конце II века через их земли, со стороны Балтики и по направлению к Черному морю, прошли племена готов. Считается, что на этногенез славян готы существенного влияния не оказали. Их было относительно немного и славянские земли они преодолели быстро. В то же время, не исключено, что какая-то часть славян, последовала за готами и поучаствовала в создании так называемой Черняховской археологической культуры. Так, например, Певтингерова карта (римская

дорожная карта IV века) помещает венедов не только на южных берегах Балтики, но и к западу от Карпат, и на Нижнем Днестре.

В IV веке отмечается усиление готов и их разделение на два крупных племенных союза – остготов и вестготов. В германский эпос вошел вождь Германарих, подчинивший помимо остготских племен также множество «северных племен». Иордан, спустя два столетия составивший жизнеописание Германариха, отмечал, что свирепствовавшие в его время (VI век) славяне, некогда были покорены Германарихом и презираемы. С течением времени славяне, увеличившись численно, расселялись на юг, запад и восток от тех областей, которые первоначально занимали. После того как германцы массово двинулись в окультуренные провинции бывшей Римской империи, западные и южные группы славян захватили бассейны Эльбы и Дуная. На востоке, славянские племена в результате предположительно трех волн миграции, заселили области, где впоследствии возникнет Древнерусское государство, то есть Среднее и Верхнее Поднепровье, и земли к югу от озера Нево (Ладоги). В этногенезе славян, вне всяких сомнений, приняли участие неславянские племенные группы – остатки германского населения, кельты, фракийцы, финны, сарматы.

Вопрос о прародине славян – это достаточно сложный вопрос. В наше время, в арсенале историков появились новые, ранее недоступные методы исследования. По итогам генетического изучения славянского населения Восточной Европы, все чаще стала озвучиваться версия, согласно которой прародиной славян была территория современной Украины. Пеньковская культура (анты) изначально сложилась на Среднем Поднепровье и в низовьях реки Псел, а Пражско-Корчакская культура (склавины) на западе Украины, землях современных Венгрии, Чехии и Словакии. При этом миграционные потоки изначально шли в западном направлении. Так, появившиеся на Дунае в VI веке славяне были мигрантами в основном из состава Пеньковской и в меньшей степени Пражско-Корчакской культур. Представители последней в это же время или чуть ранее осваивали север, заселив Висло-Одерское междуречье (Восточная Германия, Польша). Такие выводы были сделаны на основе анализа распространенных среди современных славянских народов (русских, украинцев, белорусов, словенцев, чехов, поляков, сербов, хорватов и болгар) Y-хромосомных гаплогрупп. При исследовании руководствовались предположением, что мигрирующая часть этнической группы всегда составляет меньшинство и эта меньшая часть подвергается на новом месте большим генетическим изменениям, чем оставшаяся на месте «материнская» группа. Так, из состава пропорций в генофонде названных славянских народов соответствующих гаплогрупп (R1a, R1b, N1c, J2 и др.) и их генетической близости (по данным гаплогруппам) с другими славянскими народами была вскрыта закономерность, согласно которой наибольшее число генетических связей с другими этническими группами присутствует у украинцев. Исходя из этого был сделан вывод, что именно Украина стала отправной точкой первых славянских миграционных потоков. Озвученные выводы, конечно, не могут безоговорочно приниматься на веру, ввиду, во-первых, предположительного характера заложенной в основу этих исследований пропорции мигрирующего и немигрирующего населения, а во-вторых, в силу ограниченных размеров самих выборок.¹

По сообщению византийских источников, в начале VI века славяне, обитавшие на берегах Дуная, стали представлять опасность для Византии. Но подобно тому, как в IV веке готы, несмотря на всю свою силу, оказались неспособны в Нижнем Поднепровье противостоять гуннам, так и в VI веке славяне были побеждены новым, пришедшим с востока народом. Нарушителями спокойствия стали авары, привнесшие в Европу важное технологическое новшество – стремена, значительно упростившие верховую езду. Авары (о прототюркской, или о монголь-

¹ Подробнее о данных исследованиях см.: Krzysztof Rębała, Alexei I. Mikulich, Iosif S. Tsybovsky, Daniela Siváková, Zuzana Džupinková, Aneta Szczerkowska-Dobosz, Zofia Szczerkowska Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin: *J. of Hum. Gen.*, Vol. 52, No. 5. (May 2007), pp. 406–414. High-resolution phylogenetic analysis of Southeastern Europe...: *MBE*, 2005, Vol. 22(10):1964-1975.

ской принадлежности, которых опять-таки спорят историки) повторили судьбу гуннов. Создав сильное военно-политическое образование – Аварский каганат, на землях от Днепра до Дуная, авары (или «обры» по русским летописям) через пару столетий бесследно исчезли. Они растворились среди местных народов. Память об этом интересном явлении отразилось в старинной поговорке «погибоша, аки обри». Еще в народной памяти остались смутные воспоминания о высокомерии и жестокости этого азиатского народа. У Нестора встречаем упоминание о том как обры в свои повозки вместо лошадей и волов запрягали женщин славянского племени дулебов (одного из наиболее многочисленных и сильных на тот период славянских племен).

Начиная с VIII-IX веков славяне получили уже вполне различимое разделение на западных, южных и восточных. Название венедов, вне всякого сомнения, носила группа близкородственных племен с общим происхождением и общим языком. Но со временем, между племенами венедов, что вполне естественно при их расселении по Восточной Европе, начали возникать различия. Следует сказать, что все славяне до начала VIII века еще жили в условиях родоплеменного строя. Ремесленное производство носило кустарный характер. Гончарный круг не был распространен до середины I тысячелетия нашей эры. В то же время славяне с древнейших времен умели обрабатывать железо. На территории их компактного проживания I-IV веков нашей эры обнаружено множество металлургических центров. Племенная верхушка пользовалась привозными украшениями и привозной бронзовой и стеклянной посудой. Из характера погребений следует также, что уровень ремесленного производства и степень развития торговли в западных и южных областях населенных славянами были выше, чем в восточных. На юго-западных окраинах славянских земель могла даже ходить римская монета. Дальше на север, в глубине славянских лесов, торговля была развита слабо и была исключительно меновой.

Описывая характер древних славян, Тацит сообщает, что венеды «разбойничая, бродили между певкинами и фенами». В отличие от кочевников-сарматов они строили постоянные жилища и могли быстро перемещаться пешком. Венеды, судя по всему, уже тогда были земледельцами, однако, несмотря на оседлый образ жизни, часто нападали на соседей. Воинственный нрав подтверждается как инвентарем их погребений, так и знакомством римлян со славянским вооружением (рассказ Тацита о больших венедских щитах). Готский историк Иордан, напротив, низко оценивал боевые качества венедов. Негодуя по поводу их усиления в VI веке, он писал, что в славные времена Германариха, (IV век нашей эры), венеды были покорены готами, так как были сильны разве что своим числом, а отнюдь не воинскими навыками.

Что касается характера родоплеменной организации славян, то считается, что подобно другим народам, они управлялись вождями и советами старейшин. Наверняка существовали и общие собрания племен. Ко времени разложения родоплеменной общины и появления имущественного расслоения, славяне уже были организованы в крупные племенные союзы. Складывались условия для образования первых славянских государств.

4. Восточные славяне

К началу IX века у восточных славян сложились следующие племенные группы.

На юге, в районе будущей столицы Древней Руси, Киева жили поляне. Считается, что поляне платили дань хазарам, то есть находились если и не под прямой властью, то в политической зависимости от каганата. Лицом на юг, в сторону низовий Днепра проходила южная граница полянских земель. Эта линия соответствовала границе степной зоны, позднее она стала южным пограничьем Киевской Руси. Однако в VIII-IX веках южнее полян можно было встретить еще и других славян – уличей, а к западу от уличей – бужан, тиверцев и белых хорватов. По обе стороны от нижнего течения Днепра простиралась ровная как стол степь, не стесняемая почти никакими естественными преградами. Эта область Евразии служила широким коридором связывавшим Восток и Запад. Каждое новое движение азиатских народов в Европу (вплоть до османских времен) происходило через эти земли.

Вслед за гуннами, аварами, болгарами, в конце IX века через днепровские степи в Европу хлынули угры (венгры). В середине X века, после поражения от германского короля Оттона Великого (на реке Лех, 955 год) угры осели на среднем Дунае, создав Венгерское королевство. На этногенез полян они, скорее всего, значимого влияния не оказали. Маршруты их движения пролегали южнее, а территории, подконтрольные полянам, не были целью завоевательной политики угров. И тем не менее между полянами и венгерскими племенами имели место контакты. Это отражено как в топонимике Киева (Угорская гора – Аскольдова могила), так и в прямом упоминании в Повести временных лет о стоянке угров возле Киева: «Идоша угры мимо Киева, горою еже ся зовёт ныне Угорское, и пришедше к Днепру, сташа вежами». Эти события, согласно летописи, имели место быть во времена Олега Вещего. Кроме того, существует упоминание в одном позднем венгерском источнике об осаде уграми Киева в 898 году, однако достоверность информации содержащейся в нем, вызывает сомнения.²

На севере, на противоположном краю славянских земель, обитали ильменские племена, так же известные как словене. Земли, которые они занимали, представляли обширные лесные области от верхнего течения Волги до Финского залива и Ладожского озера. Подобно тому, как южная граница земель полян стала южной окраиной Древнерусского государства, так же и северные рубежи словен превратились со временем в северную границу Руси. Словене, в рассматриваемый исторический период, подобно полянам, вероятно также не были самостоятельны, с той только разницей, что находились в зависимости не от хазар, а от скандинавов. Нельзя исключать того, что отношения словен и варягов (будем придерживаться традиционной точки зрения, что «варяги» это скандинавы) отличались от характера контактов полян с хазарами. Так пришельцы с севера могли селиться на славянских землях (Старая Ладога), чего, по всей видимости, не делали на юге хазары (хотя, данное предположение оспаривается). О влиянии скандинавов на древнерусскую историю будет рассказано позднее, теперь же бросим беглый взгляд на оставшиеся племена восточных славян.

Огромные, преимущественно лесные пространства между словенами на севере и полянами на юге, занимали племена древлян, радимичей, дреговичей, кривичей и северян. С запада к ним примыкали волыняне, а с востока, в верховьях Оки, – вятичи. Под каждым из этих названий следует понимать, разумеется, не отдельное племя, а союз племен. Всякий славянский союз имел свою территорию, огороженные частоколом небольшие поселения и даже сравнительно крупные города. Самыми известными из таких городов были древлянский Искоростень и кривичский центр Гнёздово.

У Н.В. Гоголя мы можем найти черновые наброски его «Русской истории», которые интересны в первую очередь тем, что он (вслед за автором Повести временных лет) заостряет внимание читателя на характере южных и северных «славян русских». Вот, что он пишет о различиях северных и южных «русских славян».

«Смирны, довольно согласны между собою все племена.

На юге более развития мирной жизни. Браки носят вид законности, Отцы и дети живут почти отдельно. Стыдливость замечена между полами. Поляне бо своих отец обычай имяху тих и кроток и стыдлив к родителям и к племени велико стыдение. И брачные обычаи творят.

*На севере начиная с древлян (северяне, радимичи и вятичи), грубее и меньше развития. Жизнь в лесах. Удобств никаких жизни. На самой низкой степени гражданственности. Отцы, снохи живут вместе. Стыдливости никакой. Стыдливости браков не было. (А радимичи, вятичи и север один обычай имяху, живяху в лесе, яко же всякой зверь. См. Нестор.) Распри и ссоры оканчивались частым убийством, неслышным у других».*³

² По некоторым письменным арабским источникам мадьяры во второй половине IX в. предпринимали набеги на славянские земли в целях грабежа и захвата пленных.

³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в одном томе. – М., 2009. – С.1189.

Опираясь на авторитет Нестора (или другого автора Начальной летописи), проявлявшего местечковый патриотизм, и выставившем полян на чьих землях стоял Киев, в лучшем свете относительно прочих восточных славян, Н.В. Гоголь поддается характерному для малоросса искушению приукрасить русский юг и очернить русский север. Вопрос о развитии гражданственности у полян, с одной стороны, и у прочих восточных славян, с другой, следовало ставить исходя из роли тех и других в вопросах формирования государственности Руси. Верно ли то, что русская государственность началась с Киева, то есть с полян? Или может быть с Новгорода и Ладоги (ильменские словене и кривичи)? Внес ли свою лепту в это дело также Искоростень у древлян? И, соответственно, приняли ли в этом участие другие славянские племена: вятичи (Корьдно), северяне (Чернигов)? Если опираться исключительно на летописные источники, то идущие в нашем списке за полянами, кривичами и ильменскими словенами восточнославянские племена в деле государственного строительства не показали себя почти никак. Одни из них послужили материалом, из которого создавалось Древнерусское государство (дреговичи, радимичи, северяне, вольняне). Другие, а речь в первую очередь о вятичах и, конечно же, о древлянах, выступили яростными и непримиримыми противниками объединенного восточнославянского государства. В то же время, Киев (город полян) – «мать городов русских», стал первой столицей объединенной Руси, дав ей в поздней историографии соответствующее название. Как известно именно Киев был стольным городом первых русских исторических властителей – Игоря, Ольги, Святослава, Владимира, Ярослава. Дает ли это основания полагать, что уровень «гражданственности» полян был выше, чем у их ближайших соседей? Да, но не вполне, а только отчасти и с одной очень важной оговоркой. В середине IX века, на этапе государственного становления, Киев, скорее всего, не был первым политическим центром Руси. Государственность, под которой на раннем этапе мы должны понимать возникновение сильной и ориентированной на внешнюю экспансию военизированной власти, была по целому ряду признаков, занесена в Киев извне. Первые же ее очаги, возникли на севере – в пограничье славянских и скандинавских земель, на берегах Ильменского озера, в районе Ладоги. Подобно тому, как столица средневековой Руси из Киева в XII веке была перенесена на северо-восток, в Залесскую Русь – во Владимир, точно так же и в IX веке, центр зарождающегося русского государства был перенесен из северных славянских земель в Киев, как в место более удобное по причинам военным и экономическим.

У истоков Руси

Восточные славяне и скандинавы

885 год от рождения Христова. Западно-Франкское королевство. На небольшом острове Иль-де-ля-Сите, в среднем течении Сены умещался тогда весь Париж. Известный со времен поздней Римской республики как Лютеция Паризориум (город кельтского племени паризиев), Париж в IX веке уже не был столицей как при Меровингах, и насчитывал не более 3000-4000 жителей. Не лучшие времена наступили тогда для города. В конце ноября Париж подвергся нападению викингов, многочисленный флот которых поднялся с низовий Сены. Предводитель норманнов Зигфрид потребовал от местного епископа Жослена пропустить разбойников вверх по течению реки, к Марне, к богатым бургундским землям. Епископ ответил отказом. На следующий день началась осада. До нас дошло описание этих событий, оставленное монахом обители Сен-Жермен-де-Пре, Аббоном.⁴ Если опустить рассказы о чудесах, которые совершали покровители города, святая Женевиэва и святой Жермен, то парижане оборонялись удачно, и им почти удалось отстоять свой город. В конце зимы 886 года на помощь Парижу пришел Генрих Фульдский. Однако у его воинов мало что получалось в борьбе с норманнами и положение парижан не улучшилось. Осенью 886 года с более многочисленной армией явился под стены города император Карл Толстый. Действуя с переменным успехом, Карл в конечном итоге уступил, выдав скандинавам из франкской казны 700 фунтов серебра, чем вызвал недовольство у стойких парижан. Получив выкуп, викинги в начале 887 года сняли осаду с Парижа.

Осада Парижа 885-887 годов выделяется продолжительностью среди множества быстротечных столкновений, которые в те времена были свойственны военным операциям норманнов. Она оценивалась хронистами, едва ли не как важнейшее событие эпохи. Стойкость парижан и воинские подвиги их молодого предводителя – робертина Эда, будущего французского короля, прославлялись. Но стоит признать, что и Париж был готов к обороне. Город имел очень хорошие для своего времени укрепления, что не было случайностью, так как до описанного выше случая, он уже подвергался набегам скандинавов целых пять раз: в 845, 856-857, 861, 865-866 и в 869 годах.

Католические авторы хроник утверждают, что норманны были посланы христианским грешникам в наказание. Из Бертинских анналов (*Annales Bertiniani*), можно сделать вывод, что на протяжении большей части IX века набеги скандинавов на Западную Европу носили повторяющийся, систематический характер. Используя сеть больших и малых рек, викинги на своих судах разоряли прибрежные деревни и города. Возможности прикрыть гарнизоны все, что могло подвергнуться нападению, у франкских королей не было. А после раздела империи Карла Великого и начавшейся между сыновьями Людовика Благочестивого междоусобной войны (840-ые годы), ситуация вообще стала критической. Окультуренные (по меркам своей эпохи) и самые богатые области Западной Европы были фактически брошены скандинавам на растерзание.

Вначале нападения северян носили сезонный характер, так как викинги-карлы возвращались домой в Скандинавию, ко времени сбора урожая. Впоследствии разбойники стали оставаться на зимовку, устраивая свои лагеря в тех местах, которые было легко оборонять. Со временем отряды скандинавов становились все более организованными, и все более многочисленными. Это были уже не группы молодых земледельцев, либо торговцев, вознамерившихся

---

⁴ Abbon of Saint-Germain-des-Pre. *Bella parisiacae urbis // Viking Attacks on Paris*. Leuven, 2007. Lines 37-60, 31.

немного пограбить, а устойчивые союзы взрослых мужчин, оторванных от мирной жизни и кормящихся за счет не прекращающейся войны.

***

Лето 6368-ое от сотворения мира (860 год от рождества Христова по юлианскому летоисчислению), Константинополь. Византия ведет войну с Абассидским халифатом. Император Михаил III Пьяница, выступивший с войсками на агарян, находится на Мавропотаме (Черной речке) в Каппадокии. В столице оставлен эпарх Орига. Его задача – охранять порядок в городе. Византийский флот также отсутствует, противоборствуя с арабами где-то в Средиземном море. В вечернее время 18 июня, среди жителей столицы и населения ее предместий распространилась новость: к Босфору с востока приближается многочисленный флот. Преодолев пролив, 200 ладей варваров из народа Рос (численность флота указана по византийским источникам) подошли к стенам Константинополя. Выбравшиеся из ладей люди, словно дикие звери, накинулись на незащищенные стенами предместья, убивая всех, кого смогли там найти: женщин, детей и домашних животных. Византийская хроника описывает зверства, творимые варварами и ужас тех, кто успел укрыться от их ярости внутри города.

Нападение застало греков врасплох. Константинополь, будучи на тот момент крупнейшим городом Европы, был очень хорошо укреплен. Со стороны суши его опоясывали два ряда стен, крепкая стена защищала город и с моря (со стороны бухты Золотой рог и Мраморного моря). У византийцев действовала система оповещений – эстафета световых маяков, однако нападения со стороны Черного моря не ожидал никто. И власти и народ не понимали, кто именно напал на них. Патриарх Фотий один из руководителей обороны города, писал впоследствии о нападавших, как о «народе с севера», «народе от краев земли»... Церкви заполнились людьми, духовенство совершало всенощные бдения. Патриарх Фотий выступал с проповедями. Он, как и католические монахи, провозгласил набег варваров наказанием за грехи, наложенным на народ Богом. Разграбив пригороды Константинополя, дикари рассыпались по близлежащей местности, часть их отплыла на острова Мраморного моря. Находившийся в ссылке на Принцевых островах патриарх Игнатий, едва спасся от смерти. Все церковные ценности на его острове достались росам, а 22 благородных жителя оказавшиеся в руках захватчиков, на корме одного из судов были разрублены на части топорами. Так, во всяком случае, в «Житии патриарха Игнатия» в начале X века, описывал деяния «более всех запятнавшего себя убийствами народа Рос» Никита Пафлогонянин.

Сохранились тексты гомилий (проповедей) с которыми патриарх Фотий обращался к своей пастве после того как опасность миновала. Из них следует, что варвары сами отказались от штурма и осады Константинополя, погрузились на свои корабли и отплыли восвояси. Однако в более поздних византийских источниках, а также в «Брюссельской хронике» и в использовавшей византийские тексты Повести временных лет, излагается другая версия. Говорится о гибели флота росов от сильной бури. Сама буря поднялась будто бы после того, как тайно вернувшийся в осажденный город император Михаил и патриарх Фотий опустили в морские воды ризу Богородицы.

Другой, западноевропейский источник (X-XI веков) – «Венецианская хроника» Иоана Диякона, бывшего послом венецианского дожа в Константинополе, описывая события 860 года, доводит численность кораблей «норманнов» («*Normannorum gentes*») до 360. В ней также сообщается, что норманны, не взяв города, но перебив много народу и разграбив окрестности, ушли от Константинополя с триумфом («*et sic praedicta gens cum triumpho ad propriam regressa est*»).

В «Повести временных лет» описанный выше поход Руси на Царьград датируется 866 годом и приписывается легендарным Диру и Аскольду – варягам, пришедшим на славянскую землю вместе с Рюриком, но оставившими Рюрика и перебравшимися в Киев. Само описание похода целиком списано с поздних византийских источников. Это может свидетельствовать о том, что в начале XII века, устных преданиях на Руси о походе 860 года уже не было.

Летописное призвание Рюрика состоялось через два года после похода на Константинополь, в 862 году. Автор Повести узнавший о походе из византийских источников не нашел ничего лучшего, как приписать его Диру и Аскольду, изменив год на 866. Однако в Повести временных лет присутствует описание завершившегося успехом другого похода Руси на Царьград – похода Олега Вещего, который не подтверждается ни византийскими, ни западными источниками. Поэтому некоторые историки все же не исключают, что в описании похода Олега нашли отражение смутные воспоминания о значительно более раннем походе 860 года, а летописец, имея задачу связать каждое событие с конкретным историческим персонажем, поменял хронологию и добавил кое-что от себя.

Но это все частности, самым интересным остается этнографическая природа народа «Рос». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что византийские современники тех событий не писали о нападавших как о славянах. А венецианский автор (XI века) прямо называет росов «норманнами». Опираясь на византийские или западные источники, а также на русские летописи, сложно связать народ «Рос» с каким-либо из известных восточнославянских племен, хотя бы даже с полянами. Сложно, однако, не означает, невозможно, и тем более не доказывает, что под именем «Рос» скрывались именно скандинавы. Мы не возьмемся здесь что-либо утверждать или даже предполагать, а обратимся единственно к соотношению вероятностей – того, что народ «Рос» был по преимуществу скандинавами; и того, что народ «Рос» был по преимуществу славянами. Хотя есть еще и третий вариант, по которому народ «Рос» – некий третий народ (германский, кельтский, аланский и т.д.), неизвестно откуда взявшийся в землях восточных славян или, по крайней мере, не зафиксированный до этого ни в одном из источников.

Последний вариант, конечно же, кажется менее всего вероятным. О воинственном предположительно германском (но не скандинавском) народе «россов» терроризировавшем восточных славян, а позднее, ставшим ядром их государственности, рассказывает Л.Н. Гумилев.⁵ Д.И. Иловайский отстаивает версию о южном происхождении «россов», от родственного скифам племени «россолан» (роксолан, лат. «Rholani», «светлые аланы»)⁶. Известно, что племена роксолан обитали в причерноморских степях в античную эпоху. У Иловайского Д.И. конные кочевники «россоланы» вначале превращаются в оседлых славян – «антов» (описываемых в готской истории Иордана), а затем восходят на историческую сцену под одной из реплик их старого имени – то есть уже «росами».

Аланские племена, хотя они и были европеоидами, не были близко родственны славянам. Возникает вопрос: каким образом роксоланы стали отождествляться Иорданом и всеми другими авторами со славянами? Были ли они ассимилированы пришедшим с запада славянским населением? Или же они так и остались скифо-сарматским союзом племен, при этом не были замечены историками и просуществовали (по-видимому, тайно) до появления Древнерусского государства? Если признать верным последнее, будет сложно ответить на вопрос, почему столь древний народ, без малого на протяжении целого тысячелетия проживавший в среднем и нижнем Поднепровье, куда в IV-VI веках пришли славяне, начал проявлять историческую активность только в IX веке? Где он был и что он делал до этого? Как минимум, византийские источники V-VIII веков должны были об этом народе что-нибудь сообщать. С другой стороны, если роксоланы с приходом славян (антов) растворились в их массе, тогда, почему в IX веке во время своих военных походов, они описываются как особый народ «Рос», под именем, которое современники в отношении славян не употребляли?

В общем, версия о «россах» как о третьем, неславянском и одновременно нескандинавском народе режется бритвой Оккама. Она сложна и возможна лишь при сочетании множества

⁵ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – М. 2003. С.27-28.

⁶ Иловайский Д.И. Становление Руси. – М. 2003. С.6-9.

маловероятных условий. Чтобы не слишком усложнять проблему поиска истоков древнерусской народности, желательнее опереться только на те факты, которые позволяют выстраивать четкие причинно-следственные связи. Если следовать этому принципу, можно заметить, что версия о скандинавском происхождении «росов» в свою очередь, сложнее, чем версия о «росах» – славянах. Следует ли из этого, что она должна быть менее вероятной? Безусловно, да, это было бы именно так, если бы скандинавская версия не подкреплялась сравнительно большим числом прямых и косвенных доказательств, чем славянская.

***

По-видимому, самое раннее упоминание народа «Рос» содержится в анналах Сен-Бертенского монастыря (лат. «Annales Bertiniani»), рассказывающих об истории государства франков с 830 по 882 год. В первой половине IX века, был период относительно спокойный для империи, когда государством начал управлять сын Карла Великого – Людовик I Благочестивый. Империя пока еще не была разделена, и авторитета Каролингов хватало для обуздания феодальной анархии. В 839 году, согласно официальной хронике, в Ингельгейм, ко двору Людовика I Благочестивого прибыло посольство византийского императора Феофила. В состав посольства помимо греков входили странные люди, которых автор анналов описывает следующим образом.

«С ними [послами] он [Феофил] прислал ещё неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаханом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он [Феофил] просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подвергались при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император [Людовик] узнал, что они из народа свеев (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет.»⁷

Свеи – это скандинавский народ, проживавший на юге современной Швеции, чье имя, собственно, и дало название этой стране.

Перейдем теперь к другому источнику. 911 годом датируется дошедший до нас по древнеславянским спискам договор Руси с греками. Договор составлен в интересах торговли и безопасности русских и византийских купцов, и начинается он так:

«Мы от роду Русского, Карл, Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Феллав, Рюар, Актутруян, Лидульфост, Стемид, посланные Олегом, Великим Князем Русским, и всеми сущими под рукою его...»⁸

Имена русских послов не славянские, этимология большинства из них скандинавская.

В середине X века была оставлена запись о народе, называемом греками «русиос» (Ρουσιος) и его князе Ингаре, знаменитым дипломатом короля Германии Оттона I,

⁷ Анналы Сен-Бертенского монастыря, год 839. Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т.4. Западноевропейские источники. Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. – С. 19–20. Оригинальный текст на латыни: «Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum chacanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitata imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum toto habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et miniae feritatis gentes inmanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperint, eos gentis esse Sueonum. Exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo necne pervenerint; idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter susceperit, ac, si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos; sin alias, una cum missis nostris ad eius praesentiam dirigendos, ut, quid de tulibus fieri deberet, ipse decernendo efciceret.»

⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. – М., 2008. – С. 58-60.

Лиутпрандом Кремонским. Лиутпранд пишет, что этот народ в отличие от греков сами немцы именуют «норманнами», поскольку эти «русиос» – северные люди, а на тевтонском языке «норд» означает «север», а «ман» – «человек». Как мы уже отмечали, описывая походы русского князя Игоря на Константинополь, византийцы идентифицируют русов, не как давно и хорошо известных им славян:

«На десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков»⁹

Еще одно составленное в то же время (первая половина X века) византийским императором Константином Багрянородным описание русов (в составе комплексного труда об управлении империей) содержит перечисление названий днепровских порогов как «по-русски», так и «по-славянски». Русские названия, что характерно, имеют выраженную германскую (скандинавскую) этимологию.

***

Не менее богатый материал для анализа представляют свидетельства арабских путешественников, а также историков. Большинство свидетельств относится к X веку, но в некоторых случаях они составляют компиляцию из более ранних источников.

Из прямых свидетельств наибольший интерес представляет описание купцов-русов оставленное ибн Фадланом, арабским дипломатом и путешественником, посетившим в 922 году Волжскую Булгарию.

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атиль. Я никого не видал более совершенного телом. Они стройны, белокуры, краснолицы и белотелы. Не носят курток и кафтанов, но их мужчины носят кису, которой охватывают один бок, так что одна рука остаётся снаружи. Каждый из них имеет топор, меч и нож, и со всем этим он не расстается. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские. Иные из них изрисованы от края ногтей и до шеи деревьями и всякими изображениями...

Дирхемы русов [деньги] – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, [а также] соболи... Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар, весов там не имеют, а только стандартные бруски металла...

Собирается их в одном доме десять или двадцать, – меньше или больше. У каждого скамья, на которой он сидит, и с ним девушки-красавицы для купцов. И вот один совокупляется со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. И иногда собирается группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет её, пока не удовлетворит своего желания...

В обычае царя русов, что вместе с ним в его высоком замке всегда находятся четыреста мужей из его витязей, к нему приближённых... С каждым из них девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьёт, и другая девушка, которой он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста сидят, а ночью спят у подножья его ложа...

Если двое ссорятся и спорят, и их царь не может их примирить, он решает, чтобы они сражались друг с другом на мечах, и тот, кто победит, тот и прав».¹⁰

А так Ибн Фадлан описывает погребальный обряд русов.

Сразу после смерти вождь был похоронен во временной могиле, пока для него шили новые одежды. Одна из тир (наложниц, рабынь) вождя вызвалась разделить с ним загробную

⁹ Продолжатель Феофана. Царствование Романа I. // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. / пер. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1992.

¹⁰ Ибн-Фадлан. «Записка» о путешествии на Волгу // Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. /Пер. и комм. А. П. Ковалевского. Под ред. И. Ю. Крачковского. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939.

жизнь. Её посадили под круглосуточную охрану, давали хмельные напитки, а она распевала радостные песни.

Через десять дней, когда были сшиты новые одежды для усопшего, тело было эксгумировано. Церемонию проводила старая женищина, представлявшая ангела смерти. Перед началом церемонии ладья вождя была вытащена на берег и водружена на деревянную платформу. На корабле поместили кровать вождя, а ангел смерти положила подушку на неё. В качестве подношений вождь получил хмельные напитки, фрукты и музыкальный инструмент. После чего его положили на кровать со всем его оружием и подношениями. Затем загнали двух коней, порубили их на куски, а мясо их бросили на корабль. В конце в жертву принесли петуха и курицу.

Тем временем, тир обходила палатку за палаткой, отдаваясь мужчинам. Каждый говорил ей: «скажи своему господину, что я сделал это из-за любви к нему». После её подвели к чему-то похожему на дверной короб. Мужчины подняли её на руках три раза, и каждый раз она говорила, какое ей было видение. В первый раз она увидела своих отца и мать, во второй раз она увидела своих близких, в третий раз – своего господина в потустороннем мире. Там было зелено и красиво, а вместе с вождём она увидела мужчин и юношей. И увидела она, что господин манит её. Теперь её отвели к ладье, где она отдала свои браслеты ангелу смерти, а кольца – своей дочери, которая охраняла её. После чего она взойшла на корабль, но ей не позволили зайти под тент, где лежал вождь. Ей дали несколько сосудов с хмельным напитком, которые она выпила. Она пела песни и прощалась с близкими. Под конец её ввели в палатку, где лежал почивший. Мужчины начали бить по щитам, и шестеро мужчин вошли в палатку следом, чтобы овладеть ею. Затем её положили на кровать к вождю, двое взяли за руки, двое за ноги, а ангел смерти накинула ей на шею верёвку. Пока оставшиеся двое мужчин тянули верёвку, ангел смерти проткнула тир ножом под ребрами.

В конце церемонии прибыли родственники почившего с факелами и подожгли корабль. На месте сожжения был сооружен круглый холм, а на его вершине водружен столб из белого тополя (хаданг) с вырезанными на нём именами вождя и его конунга. После они отплыли в своих ладьях.¹¹

Похороны руса, описанные ибн Фадланом (так называемое трупосожжение в ладье) в своих общих чертах соответствуют описаниям погребальных обрядов викингов, нашедшим отражение во множестве свидетельств, и в том числе в скандинавском фольклоре.

Арабские авторы называли славян не «рус», а «сакалиба». Единственным, кто отождествлял «русов» и «сакалиба» был ибн Хордадбех, начальник почт северной Персии. Ему принадлежат едва ли не самые ранние свидетельства о племени «ар-Рус», которые сами будучи «сакалиба» везут с севера товары от других, совсем дальних «сакалиба». Путь купцов из «ар-Рус» и размеры пошлин взимаемых с них по пути в Хазарии и в Табаристане и дальше вплоть до Багдада, ибн Хордадбех описывает в своей «Книге путей и стран». Это ранний источник о руси, составленный во второй половине IX века. Также, по утверждению ибн Хордадбега, купцы «ар-Рус» были христианами.

Другие авторы, например, Ибн Русте и Аль-Масуди (первая половина X века) описывают «русов» и «сакалиба» как разные народы. Ибн Русте пишет.

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окружённом озером. Остров этот, на котором живут они, занимает пространство трёх дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясётся по причине обилия в ней воды.

¹¹ Människor och makter i vikingarnas värld. – Steinsland, G. & Meulengracht Sørensen, P. (1998).

Они имеют царя, который зовётся хакан-Рус. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян.

Когда у кого из них родится сын, то он берёт обнажённый меч, кладёт его пред новорождённым и говорит: «не оставляю тебе в наследство никакого имущества, а будешь иметь только то, что приобретёшь себе этим мечом». Они не имеют ни оседлости, ни городов, ни пашен; единственный промысел их – торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим; плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои...

Есть у них знахари, из коих иные повелевают царю, как будто они начальники их [русов]. Случается, что приказывают они приносить в жертву их божеству, что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей, а уж когда приказывают знахари, не исполнить их приказание нельзя никоим образом. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему петлю на шею, вешает жертву на бревно и ждёт, пока она не задохнётся, и говорит, что это жертва богу...

Они храбры и дерзки. Когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его весь. Женщинами побеждённых сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Они высокорослы, имеют хороший вид и смелость в нападениях; но смелости этой на коне не обнаруживают, а все свои набеги и походы совершают на кораблях».¹²

Арабский историк и географ Аль Масуди, отгалкиваясь от рассказов жителей Табаристана (южное побережье Каспия), переживших морские набеги русов, пишет о них так:

«Что касается язычников в [хазарском] государстве, то среди них есть сакалиба и русы, которые живут на одном конце этого города [Итиля]. Они сжигают своих мертвецов вместе с их конями [букв.: животными], утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его жену заживо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожжёнными, чтобы с душами мужей войти в рай. Русы и саклабы, которые, как мы уже говорили, язычники, [также] служат в войске царя [хазар] и являются его слугами.

Русы – громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Русы состоят из многочисленных племён разного рода. Среди них находятся ал-лудзгана [ладо-жане], которые наиболее многочисленны и с торговыми целями постоянно посещают страны Андалус, Рим, Константинополь и страну хазар».¹³

В «Худуд ал-Алам» («Границах Мира»), персидском географическом трактате конца X века русы и их страна описываются так:

«Это обширная страна, и жители её злонравны, непокорны, имеют надменный вид, задиристы и воинственны. Они воюют со всеми неверными, живущими вокруг них, и выходят победителями. Властитель их называется Рус-каган [...] Среди них проживает часть славян, которые прислуживают им [...] Они носят шапки из шерсти с хвостами, спадающими сзади на их шеи [...] Куйаба – это город русов, расположенный ближе всего к землям ислама. Это приятное место и место пребывания [их] властителя. Оно производит меха и ценные мечи. Сълаба – приятный город, из которого всегда, когда царит мир, выходят они для торговли в области Булгара. Уртаб – город, в котором убивают чужеземцев всегда, когда они

¹² Фрагмент Ибн-Даста (Ибн-Руста) о русах по Гаркави; Глава VI. Эль-А'лак Эн-Нафиса // Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. / Пер. Д. А. Хвольсона – СПб., 1869. В описанном ибн-Русте обряде принесения в жертву через повешение, также можно обнаружить аналогию со скандинавскими культами. У викингов богом повешенных считался Один.

¹³ Аль-Масуди, «Россыпи золота», гл. XVII // История Ширвана и Дербенда X—XI веков./ Пер. С. Г. Микаэляна – М. Издательство восточной литературы, 1963.

*посещают его. Он производит весьма ценные клинки и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только руку убирают, они возвращаются в прежнее положение».*¹⁴

Арабские и персидские географы, конечно, ничего не говорят о скандинавском происхождении руси. Их сведения отрывочны и местами противоречивы, но выделяются и общие моменты – это разделение всеми ими (за исключением ибн Хордадбега) росов и славян. Еще один общий момент, это акцент арабских авторов на воинственном характере росов. По арабским свидетельствам росы не воюют в конном строю и передвигаются на кораблях, и еще они располагают превосходным франкским оружием. Нельзя не отметить также устойчивой связи между росами и Хазарским каганатом. Росы либо заимствуют у хазар титул «каган», для обозначения собственного независимого правителя, либо находятся под патронатом хазарского кагана. Велика вероятность того, что какая-то часть руси действительно состояла на военной службе в Итиле. Может быть, эту службу следует связывать и с морскими набегами на южный берег Каспия, так как эти набеги совершались, вне всяких сомнений, с согласия, а чаще всего и в интересах правителя Хазарии. Росы договаривались с хазарским каганом либо с беком (царем) о проходе их дружин через устье Волги, в обмен на часть будущей добычи. Контакты с Хазарией осуществлялись и по вопросам торговли. В столице каганата, в Итиле, и у славян, и у русов, по сообщению арабских источников, было по собственному торговому кварталу.

***

Археологические исследования наиболее древних из известных нам сейчас поселений Древней Руси, в целом подтверждают свидетельства активного проникновения на славянские земли выходцев из Скандинавии. Более того, проникновение скандинавов приходится на период непосредственно предшествовавший зарождению государства у восточных славян, то есть, преимущественно на IX век. Другое дело, что как, например, в Старой Ладого, так, равным образом, и в Гнёздове, и в любом другом месте, где были обнаружены скандинавские находки, эти артефакты не были единственными, а практически во всех случаях перемежались со славянскими предметами, не расходясь при этом с ними по культурным слоям.

Старая Ладога (сканд. *Aldeigjuborg*). В наше время Старая Ладога – это село в Ленинградской области, в 20 километрах от места впадения реки Волхов в Ладожское озеро. Гидрологический режим Приладожья изменился с тех давних времен, считается, что к моменту появления в этом районе интересующих нас скандинавских поселений, место, где расположена сохранившаяся Староладожская крепость, было значительно ближе, чем сейчас к берегу Ладожского озера. То есть Ладожское озеро (озеро Нево) со временем понизило свой уровень и отступило на север. Проведенные дендрохронологические исследования древесины использованной для строительства первых сооружений на Земляном городище Старой Ладого свидетельствуют, что возведены они были из деревьев, срубленных не позднее 753 года.¹⁵ Сооружения соответствующие этому первому строительному горизонту выполнены как считается скандинавами (или, если точнее, выходцами с Готланда), ввиду использования на Старой Ладого типичной для Северной Европы столбовой конструкции. Факт нахождения в Старой Ладого и более древних артефактов, например, гребня эпохи Меровингов VII века, не исключают и более ранней истории поселения. В данном случае важно то, что появление в Приладожье выходцев из Северной Европы, предположительно с Готланда и Аландских островов, состоялось очень рано, еще в так называемый «вендельский период» (550-793 гг.).

Описываемое поселение готландцев (гутов), как считается неукрепленное, просуществовало приблизительно 10 лет, после чего было сожжено и на его месте появляются новые сооружения, но на этот раз уже типичной для славянской культуры срубной конструкции.

¹⁴ «Книга о пределах мира от востока к западу» (Худуд ал-Алам). § 44. Рассказ о стране русов и её городах. // *Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky.* – London, 1937.

¹⁵ Анализ спилов дерева был выполнен Н.Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии Института археологии РАН.

Приблизительно в 2 километрах от Староладожской крепости вниз по течению Волхова, на противоположном берегу, находилась ныне почти не сохранившаяся Любшанская крепость (в месте впадения в Волхов речки Любши). Это древнейшая из известных каменно-земляных крепостей Древней Руси, чье возведение связывают с проникновением на территорию Приладожья славянского населения. На рубеже VII и VIII веков эта территория была отвоевана представителями славянской культуры средневропейского происхождения (кривичами) у местных финно-прибалтийских племен и на месте предположительно существовавшего ранее деревянного острога была возведена каменно-земляная крепость, идентичная крепостям, обнаруженным у западных славян. Любшанская крепость, по-видимому, выполняла административные и военные функции, в то время как городище Старой Ладogi в основном ремесленные и торговые.

Начиная с конца VIII века, активизируется торговля по Великому Волжскому пути, вследствие чего местный рынок в Приладожье превращается в рынок международный. После уничтожения славянами «готландского» поселения в 760 годах, городище на месте Старой Ладogi стремительно разрастается. Многочисленные археологические находки свидетельствуют об интенсивном товарообмене, развивается производство «глазчатых» бус, призванных играть роль денег. За такие бусы славяне скупали пушнину, которую затем реализовывали арабским купцам за серебро. Самый ранний клад арабских серебряных дирхемов, найденный в Старой Ладoge, датируется 786 годом. Населенная округа Ладogi, как свидетельствуют археологические и ретроспективные источники, тянулась сплошной полосой до устья Волхова. За время раскопок Староладожского городища среди остатков домов было обнаружено большое число предметов, свидетельствующих о развитом ремесленном производстве: куски янтаря, бусы, неоконченные обработки, капли стекла, заготовки латуни, тигли, формочки, ремесленные инструменты, корабельные заклепки и прочие заготовки для корабельного ремонта. Вероятно, уже в тот период существовали купеческие объединения, включавшие в себя воинов-мореплавателей и торговцев – славян, евреев-рахдонитов из Хазарии, а также выходцев из Западной Европы, Скандинавии и исламского Востока.

Славянское доминирование в этом регионе было оспорено скандинавами уже в эпоху викингов, в конце 830-ых годов. На рубеже 830–840 годов Ладожское поселение переживает катастрофический пожар, после чего на его месте появляются предметы, интерпретируемые как компоненты скандинавской мужской культуры. Обнаружено, в частности, множество наконечников стрел, характерной для Скандинавии ланцетовидной формы. Захваченное скандинавами городище переживает новый большой пожар на рубеже 850–860 годов, в культурном слое которых, вновь найдены наконечники стрел, но на этот раз уже славянской ромбовидной формы.

Обобщая данные собранные археологами, можно предположить, что Ладожское городище в конце вендельского периода (с 750-ых годов) и в начале эпохи викингов (830–860 годы) оказалось ареной противостояния скандинавского и славянского населения и, вероятно, неоднократно переходило из рук в руки. Косвенно данные археологии подтверждают сведения, изложенные в Повести временных лет, в рассказе о призвании ильменскими словенцами, кривичами, весью и чудью варяга Рюрика. Согласно летописи, славяне, будучи вначале покорены варягами, в год 6370 (862) изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

В 860 годах город Ладoga, разумеется, не прекратил своего существования. Археологические данные свидетельствуют об уменьшении значения Любшанской крепости, в то время как поселение на территории современной Старой Ладogi, во второй половине IX века – первой половине X столетия переживает расцвет. Археологические исследования подтверждают факт скандинавского присутствия в Ладoge и после 860 года. Одним из таких свидетельств могут

служить остатки бронзолитейной мастерской последней четверти IX века, с найденными там же редчайшими высокохудожественными украшениями скандинавского типа (для мужского и женского костюмов). Из находок, относящихся к еще более позднему периоду – остатки большого (размером 10 на 16 м.) деревянного строения с центральным очагом и внешней галереей. Это строение датируется второй четвертью X века. Здание, скорее всего, не было княжеским дворцом, а использовалось, в качестве купеческого общежития, либо фактории, ввиду обнаружения там большого числа бус и сланцевых форм, предназначавшихся для отливки платежных серебряных слитков. Там же была найдена вставка от кольца-печатки с надписью на арабском: «Помощь моя только у Аллаха, на него я положился и к нему обращаюсь». Это найденное в Старой Ладогe сооружение похоже на описание ибн Фадланом больших деревянных домов купцов-русов, устроенных ими вблизи Атиля (Волги), где те продавали привезенных в Волжскую Булгарию невольниц.

В наше время Старая Ладога не воспринимается как место, имеющее особенное значение для русской истории. И напрасно. Вероятнее всего, именно Старой Ладогe выпала честь стать первой столицей Руси, несмотря на то, что согласно Начальной летописи в 862 году Рюрик сел княжить не в Ладогe, а в Новгороде (хотя по другому варианту текста, именно в Ладогe). Так или иначе, Ладога как экономический и вероятно также административный центр предшествовала Новгороду. Последний в качестве городского центра сложился никак не раньше конца IX – начала X веков и воспринимался современниками на фоне древнейшей Ладоги как «Новый город».

***

Рюриково городище. Новгород (сканд. Holmgarðr или Holmgarðir).

В полутора-двух километрах от южной окраины современного Великого Новгорода, недалеко от места, где Волхов вытекает из Ильменского озера, расположился Свято-Юрьев монастырь. Некогда это был религиозно-духовный центр Новгородской республики. Прямо напротив его сияющих белизной стен, на противоположном, правом берегу Волхова, на поросшем травой и кустарником холмике, сиротливо ютятся развалины Благовещенской церкви, середины XIV века. Этот кусочек земли, находящийся за пределами городской застройки, до XIX века именовался «городищем». Начиная с XIX века, он стал называться «Рюриковым городищем» из-за получившей в то время широкое распространение легенде о нахождении на этом новгородском пятачке резиденции князя Рюрика.

Первые раскопки Рюрикова городища были проведены в 1901 году. К систематическим археологическим исследованиям приступили в 1970-ых. Этими раскопками, как и в Старой Ладогe, было установлено присутствие скандинавского элемента. Если не принимать во внимание следы стоянки первобытных людей, то самое первое поселение на городище принадлежало ильменским словенам, оно было защищено деревянной стеной и валом. Это поселение словен относилось к VIII-IX векам. Но, уже с середины IX века начинает формироваться культурный слой, заполненный скандинавскими предметами. Археологами найдено множество элементов скандинавского военного снаряжения и одежды, амулеты, как то железные гривны с молоточками Тора или бронзовые подвески с руническими надписями. Скорее всего, скандинавские амулеты не были в славянских землях предметами торговли, и попали сюда, что называется, на самих людях. Было открыто несколько кладов арабских, византийских и западноевропейских монет, извлечены из земли фрагменты весов, гребни, бусы, тигли, ткацкие приспособления. Административный характер поселения, и факт нахождения на этом месте княжеской резиденции подтвердился большим числом обнаруженных здесь свинцовых княжеских печатей. За время раскопок Рюриково городище превратилось в один из крупнейших исторических памятников эпохи викингов.

Как считается, это княжеское поселение было возведено на мысовой части возвышенности, которая в свою очередь находилась на острове, посреди затопляемой речной поймы. В

этом смысле неслучайным выглядит скандинавское название Новгорода – «Holmgård» («Островной город»). Остров было легко оборонять, а его положение непосредственно у истока Волхова позволяло князю контролировать проходящий по реке торговый путь. В Хольмгарде это было делать легче, чем сидя в Ладоге. Рюриково городище было предгородским поселением. То есть это не был в собственном смысле сам город, а именно резиденция князя или конунга. Кто-то придерживается мнения, что вследствие того, что Новгород застраивался позднее, он и получил название «Нового города». Рюриково городище имеет богатую историю. Здесь жил, призванный в Новгород на княжение Александр Невский. На время празднеств здесь останавливались московские князья Симеон Гордый, Дмитрий Донской и Василий Темный. В период централизации Московской Руси и подавления новгородской вольницы, в Рюриковом городище жил Иван III. В 1570 году во время кровавой расправы над боярами и жителями Новгорода тут же находился Иван IV Грозный.

***

Гнёздово – Смоленск (сканд. *Sýrnes*). Если ехать из Смоленска двигаясь на запад, по Витебскому шоссе, то через десять – пятнадцать минут езды на автомобиле попадаем в деревню Гнёздово. Сельские дома в современном Гнёздове тянутся вдоль автомобильной дороги. Выйдя из машины и пройдя мимо этих деревенских дворов на юг от шоссе, к Днепру, мы попадем на то место, где одиннадцать веков назад бурлила оживленная городская жизнь. Гнёздово – это старый Смоленск. Подобно тому, как мы знаем Старую Рязань и Рязань Новую, точно так же крупное городское поселение Верхнего Поднепровья, возникшее в период зарождения Древней Руси, через несколько веков было перенесено на новое место, сохранив при этом свои старые функции столицы региона. Хотя понятие «новое место» в данном случае весьма условно, так как расстояние между «старым» и «новым» Смоленском составило всего 12 км.

В те далекие времена в районе Смоленска перекрещивались волоковые пути системы: Волхов – Днепр – Двина – Угра – Ока. Корабли перетаскивались по суше, ремонтировались, смолились (вопрос к этимологии названия города Смоленск). Впервые это поселение, как центр племенного союза кривичей, упоминается в Повести временных лет под 862 годом, то есть под годом призвания Рюрика. В Устюжском (Архангелогородском) летописном своде, Смоленск (читаем Гнёздово) упоминается под 863 годом в связи с именами варягов Аскольда и Дира. Те, направляясь на юг к Киеву, будто бы наткнулись на Смоленск и предпочли обойти его стороной, ввиду его мощных укреплений и многолюдности. Устюжский летописный свод – источник поздний (XVI в.), он содержит информацию о событиях начала русской истории, о которых нет упоминаний ни в Повести временных лет, ни в других заслуживающих доверия источниках (например, в Новгородской Первой летописи). Скорее всего, упоминание об Аскольде и Дире в Устюжском своде является литературным вымыслом. Но есть обстоятельства, которые литературным вымыслом быть не могут – это без преувеличения ценнейшие находки, извлеченные из гнёздовской земли в ходе многочисленных археологических раскопок.

Итак, что мы имеем в Гнёздове? Во-первых, удивляют его размеры. По средневековым меркам поселение не просто большое, оно огромное. Укрепленное центральное городище и неукрепленный посад имели площадь порядка 16 гектаров. Для своей эпохи Гнёздово было одним из крупнейших городов Северной Европы. Так, предполагаемая площадь шведской Бирки составляла не более 13 гектаров, Дублина, в скандинавский период его истории, около 12 гектаров. Центральное Гнёздовское городище с посадом было окружено огромным могильником (площадью 200 га!) с насыпями курганного типа (по оценкам до 6000), а также более мелкими поселениями. По количеству могильных насыпей Гнёздово является крупнейшим курганным кладбищем Европы.

Характерные скандинавские захоронения с трупосожжением в ладье в могильном комплексе Гнёздова встречаются довольно часто. По подсчетам Д. А. Авдусина, среди изученных гнёздовских курганов свыше 40 содержали скандинавские погребения, еще в 17 найдены скандинавские предметы. В центральной части могильника выделялись так называемые «большие курганы», образывавшие цепочку особенно высоких насыпей (высотой 5-9 метров). Погребальный обряд «больших курганов» носил либо скандинавский либо «смешанный» характер, совпадая отчасти с описанными ибн Фадланом похоронами знатного русса. На специальной земляной платформе сооружался погребальный костер, на нем устанавливалась ладья. В ладью помещали тела мужчины и женщины, затем судно предавали огню. Останки собирали в урны, возле урн складывали оружие. Мечи и копья в больших гнёздовских курганах были воткнуты в землю и нередко накрыты шлемом или щитом. Это уже специфический местный обряд, не характерный для Скандинавии. Затем совершались жертвоприношения: туши барана или козла (у норманнов козлы – священные животные Тора) складывали в большой котел, установленный на месте захоронения. И уже только после этого возводили насыпь.

Из скандинавских предметов, в погребениях Гнёздова обнаружены, в том числе, шейные гривны с молоточками Тора. Очень похожие были найдены при раскопках Рюрикова городища в Новгороде. Самые ранние скандинавские погребения в Гнёздове относятся к IX веку. Например, курган № 47 (раскопки Д. А. Авдусина). Погребальный обряд – трупосожжение в ладье. Разнообразный мужской и женский инвентарь. Наиболее интересный артефакт этого погребения – превращенная в подвеску золотая монета византийского императора Феофила (829-842 гг.). Того самого Феофила, с именем которого связано первое упоминание в западной историографии народа «Рос». Именно к посольству Феофила, посланному греческим императором к Людовику Благочестивому, присоединились люди, представившиеся в Ингельгейме как «Rhos», и которых тот, приняв за скандинавских шпионов свеев (*Annales Bertiniani*, 839 год). Весьма интересно и то, что еще одна из довольно редких монет Феофила, только на этот раз серебряная, также превращенная в подвеску, найдена при раскопках камерного погребения в шведской Бирке. Это доказывает, что путь «из варяг в греки» по Днепру, существовал уже во второй четверти IX века.¹⁶

Но с другой стороны, проведенные археологические исследования опровергают и версию некоторых шведских историков о Гнёздове как о скандинавской колонии в славянских землях, поскольку рост Гнёздова обеспечивался притоком в него именно славянского населения. Славянских артефактов при раскопках было обнаружено значительно больше, чем скандинавских, по уровню технического, а также художественного исполнения они чаще всего превосходят скандинавские (керамика, украшения) и свидетельствуют об активных связях местных кривичей с западными славянами (в частности было обнаружено очень много великоморавских височных колец).

Считается, что в ранний свой период, в IX веке, славянское Гнёздово занимало площадь порядка 4 гектаров, и не имело выраженных укреплений. Факт проведения через него торговых операций уже в то время, подтверждается монетными кладами. Из 117 монет, найденных к 1982 году в культурном слое поселения IX века, самая ранняя серия (18%) чеканки VIII – начала IX веков. Однако наибольшего своего политического и экономического значения Гнёздово достигло позднее, в первой половине X века. К этому времени оно уже имело смешанное, славяно-скандинавское население. К 920-950 годам относятся 7 найденных на его территории кладов, состоящих не только из монет, но и из украшений. В 950-е годы все сооружения «центрального» участка (раскоп П-8) погибают в результате сильного пожара. После 960 годов при-

¹⁶ О становлении раннефеодальной государственности в Скандинавии см.: Шаскольский И. П. Возникновение раннеклассового общества и варварского государства (IX-XI вв.) – В кн.: История Швеции. М., 1974, с. 62-82; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977; Гуревич А. Я. Образование раннефеодального государства (конец IX – начало XIII в.). – В кн.: История Норвегии. М., 1980. – С. 126-151.

ток восточного серебра в Гнёздово прекращается. Есть предположение, что военный разгром Гнёздова в 950–960 годы с вероятным уничтожением местной элиты, был предпринят киевлянами и был связан с политикой киевских князей направленной на централизацию Древнерусского государства.

В результате археологических исследований можно признать установленным, что в первой половине X века выходцы из Скандинавии жили в старом Смоленске – Гнёздове постоянно, с семьями, и численность их могла достигать до четверти от всего населения города. Обращает на себя внимание трансформация обычаев скандинавского и славянского населения Гнёздова. По результатам археологических изысканий можно говорить о постепенной утрате скандинавским меньшинством его этнической самобытности. Язык, религия, культура со временем утрачивались скандинавами, практически везде, где они оказывались в положении этнического меньшинства. Примеров тому множество: в Северной Франции – это Нормандия, в Восточной Ирландии – район Дублина, в Восточной Англии – Йорк, и, наконец, Сицилия, завоеванная норманнами в самом конце их героической эпохи. Пожалуй, единственным примером земель, населенных выходцами из Скандинавии, где их этническая самобытность по прошествии столетий была в полной мере сохранена, оказалась Исландия. Но в Исландии, до появившихся в IX веке на ее берегах викингов, не было постоянных человеческих поселений, там были только звери, птицы и девственные березовые леса, через пару веков полностью уничтоженные.

***

В 1862 году в Новгороде (ныне Великий Новгород) в детинце, напротив Софийского собора, при большом стечении народа, в присутствии императорской семьи, был торжественно открыт памятник «Тысячелетие России». Скульптурное сооружение М. О. Микешина и И. Н. Шредера было посвящено знаменательной дате: ровно 1000 лет прошло с того момента, когда по сообщению Повести временных лет, кривичами, словенами, чудью и весью в Новгород (Ладогу), на княжение был призван со своей дружиною варяжский князь Рюрик. В самой Повести временных лет (перевод Д.С.Лихачева) об этом сказано следующее.

«В год 6370 ...И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владети нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене...».

Существуют различные версии о том, кем в действительности был Рюрик и существовал ли он вообще. Сторонники скандинавского происхождения первого русского князя отождествляют его либо с известным по западноевропейским хроникам Рёриком Ютландским, одним из предприимчивых конунгов данов (датчан), правителем фризских земель, названным в Ксантенских анналах «язвой христианства», либо с Эйриком Эмундарсоном, конунгом шведской Уппсалы. Есть и безотносительная к известным историческим персонажам точка зрения, согласно которой имя Рюрик (Rurik) должно было принадлежать именно скандинаву. В современную эпоху это имя все еще не вышло из обращения и иногда встречается в Дании, Швеции Исландии и в Финляндии.

Рёрик Ютландский (старосканд. Hrǫrek, лат. Rorich) появился на свет после 810 года и умер после 873 года. Происходил он, вероятно, из династии Скьёльдунгов, правивших в Хедебю, (крупнейший политический и военный центр датских викингов). В одно время Рёрик грабил фризские земли (побережье современной Голландии), в другое состоял правителем этих земель, получив Фризию в «кормление» от франкского короля Лотаря, чьим вассалом Рёрик формально считался. Будучи еще молодым, он в качестве наемника помогал Лотарю в его борьбе с отцом Людовиком Благочестивым (840 год), а после смерти последнего в борьбе

с братьями Лотаря – Людовиком Немецким и Карлом Лысым. После Верденского мира (843 год), когда империя была поделена, и Лотарь получил от каролингского пирога свой собственный кусок, Рёрик остался не у дел. Викинг был схвачен и заключен под стражу, откуда, однако, вскоре сбежал. Вначале он отправился в земли саксов, а позднее собрал дружину их норманнов и вернулся в любимую им Фризию, грабить принадлежавшие Лотарю земли. Не будучи в состоянии одолеть Рёрика, Лотарь признал его своим «вассалом» и пожаловал земли в обмен на обязательство защищать Фризию от нападений других викингов, что Рёрик впоследствии и делал. Последнее упоминание о Рёрике Ютландском отмечено 873 годом (принесение им клятвы верности брату Лотаря, Людовику Немецкому).

Кипучая жизнь датского авантюриста была подробно описана в Бертинских анналах и в других западноевропейских источниках. Но, что характерно, в период с 858 по 863 год, а также в период непосредственно предшествующий 870 году, в записях имеются лакуны. Рёрик перестает упоминаться, но спустя время появляется вновь. Это обстоятельство, вкупе с именем дало некоторым историкам повод предполагать тождество Рёрика Ютландского с русским летописным Рюриком. Правда, нашлись еще и некоторые лингвистические совпадения. Достоверно известно, что во Фризии, военной и административной базой Рёрика служил остров Виринген (нидерл. Wieringen). В настоящее время острова нет, но на территории бывшего острова и прилегающих (осушенных) земель, располагается голландская община, носящая то же имя – Виринген. В голландском языке на слух это звучит приблизительно как «Виэрега», что коррелирует с русским летописным словом «варяги». Кроме того, приморские провинции восточной Голландии на картах (до XVII века включительно) обозначались как «Rüstringen», точно так же как фризы в средние века именовались «рустрами», о чем, например, можно прочесть в «Chronica Slavorum» немецкого автора XII века Гельмольда. Археологические данные (раскопки, произведенные в Старой Ладогe) также подтверждают существование в IX веке экономических связей между северо-востоком славянских земель и фризскими землями.

Другая возможная кандидатура на роль Рюрика – Эйрик Эмундарсон. Об Эйрике известно меньше, чем о Рёрике, свои хроники на территории Швеции тогда не велись, а в поле зрения франкских и иных христианских хронистов конунг из Уппсалы не попадал. Какие основания предполагать его русским летописным Рюриком? Во-первых, восточная и юго-восточная часть Швеции значительно ближе к Приладожью, чем Фрисландия. И если набеги викингов из Норвегии и Дании совершались на запад, через Северное море, что было предопределено географически, то пути движения шведских разбойников по той же логике, должны были пролегать в противоположном направлении – через Балтику на восток. Второй аргумент в пользу Эйрика – это некоторые отрывочные литературные свидетельства. Снорри Стурлусон самый известный из скандинавских скальдов, автор Младшей Эдды, а по совместительству историограф и политический деятель Исландии XIII века, в своем сочинении «Круг Земной», описывает сход в Уппсале 1018 года, на котором один из участников упоминает Эйрика Эмундарсона, конунга, ходившего каждое лето пока мог в разные страны и покорившего Финланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд а также много земель в Аустерланд. Аустерланд – это «Восточная Земля», в скандинавских сагах так называли Русь (наряду с Гардарикой). По расчетам некоторых (шведских) историков Эйрик Эмундарсон скончался в начале 880 годов, то есть был современником датского Рёрика. Соответственно и наиболее активный жизненный период Эйрика должен был прийти на 850-860-ые годы.

Подобно версии про тождество Рюрика и Рёрика Ютландского, версия о связи Уппсалы и будущей Руси также подкрепляется лингвистическими совпадениями. Современная шведская Уппсала – город со 150 тысячным населением находится почти на том же месте, где была древняя Уппсала (самые первые постройки на территории этого города датируются V веком). Город Уппсала является административным центром лена Уппсала. В состав лена Уппсала входит провинция Упланд, прибрежные районы которой, вместе с северной частью Стокгольмского

архипелага исторически именуются Roden или Roslagen. Последнее название – Руслаген вошло в употребление с конца XV века, вытеснив первое. Считается, что раньше так именовались вообще все прибрежные районы Швеции, этимологическим же основанием для такого названия послужило финское (эстонское) слово Ruotsi (Rootsi).

«Ruotsi» по-фински означает «шведы», на эстонском шведы именуются как «Rootsi». Само слово «ruotsi» по-видимому, основано на корне «rofs-», обозначающем греблю и судоходство. Этим словом финно-угорское население еще с вендельского периода (VIII век) именовало скандинавов. Те приходили к финнам на кораблях и собирали с них дань. Соответственно и происхождение этнонима «русь» («рось»), часть историков связывает с финским «ruotsi» то есть со шведами. По их мнению, восточные славяне, жившие бок о бок с финно-угорскими племенами, могли позаимствовать у финнов этот термин.

Антинорманисты возражают, утверждая, что Руслагена, в том виде, в каком он есть сейчас, во времена викингов не существовало. Это не совсем так. Береговая линия Швеции в VIII-IX веках действительно отличалась от современной. Климат был мягче, и большая часть материкового Руслагена тогда находилась под водой, а меньшая – была представлена островами. Однако данное обстоятельство в корне не меняет ничего, поскольку пусть и в ином виде, береговая линия у Швеции все равно была. И на этой линии, в любом случае жили те, кого финны называли «ruotsi». Гораздо убедительнее выглядит возражение, основанное на том, что слова однокоренные с «русь» или «рось» в самоназвании у скандинавов не встречаются. Однако, с другой стороны, почему скандинавы должны были называть себя именно так, как называли их другие народы? Данное возражение ничего, в сущности, не опровергает. Возможность лингвистической связи между финским «ruotsi», шведским Roden (Roslagen) и нашей «Русью» не может быть исключена окончательно. Хотя с другой стороны, она не может быть и окончательно подтверждена, тем более, что противоположная версия – о славянском происхождении Рюрика, имеет под собой не менее убедительные основания.

***

Конец VIII века в Европе прошел под знаменем политического и военного гения Карла Великого. Ведя многочисленные войны на границе мусульманской Испании (мавры), языческой нижней Германии (саксы), а также в придунайских землях с некогда грозными, но на тот момент совсем уже выдохшимися аварами, Карлу пусть и ненадолго, все же удалось создать «очередную» европейскую империю. Кровопролитная и в высшей степени ожесточенная война Карла с саксами, еще не принявшими христианства, не имевшими государственности, но несмотря на это, в военном отношении, как кажется, неплохо организованными, крепкими, умелыми и мужественными воинами, проходила с переменным успехом. В этой войне, когда ее исход висел на волоске, и ставки были как никогда высоки, франки не брезговали ничем, ни обманом, ни поистине массовым террором. Согласно хроникам, только в одной «Верденской резне» 782 года по приказу будущего императора было обезглавлено четыре с половиной тысячи сдавшихся в плен саксонских воинов. Но Карл, как любой дальновидный политик, разыгрывал в этой войне еще и дипломатическую карту. Такой картой стало участие в войне против саксов ободритов – племенного союза западных славян, обитавших в то время на южном побережье Балтийского моря. Сейчас земли ободритов – это немецкие Шлезвиг-Гольштейн и Мекленбург. Руководствуясь принципом «враг моего врага – мой друг», Карл заключил политический союз с западными славянами, которые оказали франкам действенную военную помощь и внесли свою лепту в разгром саксов.

Чем же так примечательны ободриты для русской истории? Ободриты, они же бодричи, они же (либо их часть) ререги, могли быть теми упомянутыми в летописях варягами, от которых к ильменским словенам, кривичам, веси и чуди пришел Рюрик. Лингвистические совпадения, дающие основания для этой версии – название главного города ободритов – Рерик и, соответственно, прозвище ободритов – «ререги». Название города, как видим, созвучно с именем

Рюрика. Имя, данное городу, могло распространяться и на его жителей, выезжавших в другие земли. В свою очередь, прозвище ободритов «ререги», может быть переведено на современный русский язык как «соколы». А родовым гербом Рюриковичей, как известно, был стилизованный, летящий вниз сокол (в наше время аналогичный герб имеет Старая Ладога).

Город Рерик – один из крупнейших торговых центров южнобалтийского региона проиграл конкуренцию близлежащему скандинавскому Хедебю в 808 году, когда согласно франкским анналам был сожжен датским конунгом Гудфредом, а его торговое и ремесленное население было выведено в Хедебю. Предположительно Рерик находился на месте современного немецкого села Бловац, на берегу Висмарского залива, где в результате раскопок было открыто большое торговое поселение, застраивавшееся по данным дендрохронологии начиная с 700 года. Предполагается, что оно имело изначально славянское, а впоследствии смешанное скандинаво – славянское население.

Ободриты ввиду своих союзнических отношений с франками и участия в важных политических событиях той эпохи, неоднократно попадали в поле зрения франкских источников. Интерес представляет запись, содержащаяся в Ксантенских анналах (важном историческом тексте, дополняющем Бертинские анналы) упоминающая некоего Рорика, бывшего в 845 году у вендов князем. Вендами средневековые латиноязычные, а затем немецкоязычные авторы называли как ободритов, так и представителей других полабских славян – руян, лютичей, лужичан и т.д. Далее в развитие этой темы, уже в начале XVIII века, в поле зрения историков попали так называемые «Мекленбургские генеалогии» – исторические труды по династиям земли Мекленбург. В этих генеалогиях также звучит имя Рюрик, кроме того, у мекленбургского Рюрика обнаруживаются и два брата – Сивар и Трувор. Все они согласно генеалогическому списку 1716 года являлись сыновьями ободритского удельного князя Годлиба (Годслава, Богуслава). Годлиб был одним из трех сыновей Вышана (великого князя ободритов, союзника Карла Великого), погибшего в сражении с саксами в 795 году. Сам же Годлиб погиб в 808 году при нападении на ободритов, вышеупомянутого датского конунга Гудфрида. В генеалогическом списке был использован манускрипт 1687 года, чей автор – нотариус мекленбургского придворного суда Иоганн Фридрих фон Хемниц, в свою очередь, ссылаясь на еще более древний манускрипт 1418 года. Столетие спустя, в 30-ых годах XIX века французский путешественник и писатель Ксавье Мармье в книге «Северные письма» изложил устное предание, услышанное им от мекленбургских крестьян о трех братьях – Рюрике Мирном, Сиваре Победоносном и Труваре Верном, сыновьях ободритского короля Годслава, отправившихся за славой на восток, в Россию. Время зарождения в среде мекленбургских крестьян этой легенды установить невозможно. Каких-либо иных упоминаний в западном фольклоре о жизни и судьбе ободритского Рюрика до настоящего времени также не обнаружено.

Оставим приведенную выше легенду без комментариев, отметив, что и она служит объектом для критики. Однако есть и еще кое-что в защиту славянской версии. Ободриты были союзом племен, в который помимо прочих входило племя вагров и возможно также племя руянов. Последнее могло быть и независимым племенем, и даже частью враждебного ободритам славянского племенного союза – лютичей. Вагры (от герм. «wāga-warijōz» – «морские жители») занимали полуостров Вагрия, в настоящее время это территория федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн. Вагры возможно были самым западным не только из ободритских, но и вообще из всех славянских племен, они славились развитым мореходством и на протяжении многих столетий имели сходную с норманнами репутацию морских разбойников. На непродолжительное время вагры были покорены в X веке германским императором Оттоном I Великим, сохранив при этом своих князей, затем освободились от немецкой зависимости и перехватили лидерство в ободритском союзе. В последующие столетия чаша весов раскачивалась то в одну, то в другую сторону, вагры то подпадали под германское влияние, то снова освобождались от него. В настоящее время потомки вагров полностью ассимилировались в составе немецкой

нации. О тождестве ободритских вагров и русских летописных «варягов», в свое время высказывались немецкий ученый эпохи возрождения Себастиан Мюнстер (1489-1552 гг.) и имперский (австрийский) писатель и дипломат Сигизмунд фон Герберштейн (1486-1556 гг.), дважды побывавший в России и оставивший «Записки о Московии». Герберштейн по вопросу вагров – варягов, писал, что в характере русских было скорее призвать к себе на княжение вагров, знаменитых тогда на Балтике своим могуществом и имеющих в те времена схожие с ними язык, обычаи и религию, нежели покориться иноплеменникам из числа датчан и шведов.

Что касается руян, то это племя занимало территории между враждующими друг с другом на южном побережье Балтийского моря ободритами и лютичами. Не исключено, что руяне входили в ободритский племенной союз. Руяне владели Рюгеном – островом, где находилась знаменитая Аркона – известное всему миру языческое капище бога Святовита. Позднее, в XII веке, при нашествии датчан арконское святилище было полностью разрушено. Руяне упоминаются в западноевропейских источниках, начиная с VIII века, как жители острова Рюген, на латыни – «Rugia», «Ruzia». В «Баварском географе» – источнике содержащем перечень народов, проживавших в IX веке к востоку от границ Франкского королевства, руяне обозначены как «руссы», или на латыни «Ruzzi».¹⁷

***

Взяв в свои руки увесистый коллективный труд под названием «История России с древнейших времен до наших дней», под редакцией бывшего директора Института российской истории РАН, профессора А.Н. Сахарова, мы обнаружим в нем удивительную вещь. Оказывается, развитие государственности на Руси состоялось задолго до призвания варягов, что, по мнению А.Н. Сахарова было убедительно доказано историками.¹⁸ Мы либо пропустили это революционное доказательство, либо столкнулись с тем случаем, когда на наших глазах некоторые представители от науки опускаются до фальсификации истории. Безапелляционно утверждается, что варяги и Рюрик происходили из южно-балтийских славян, либо из балтов. Этноним «русь» будто бы сформировался самостоятельно сразу в двух местах: на юге, в районе Киева и на севере в районе Ладоги.

Гипотеза о происхождении Рюрика из полабских славян, безусловно имеющая право на существование, но при этом остающаяся всего лишь гипотезой, предлагается в качестве единственно возможной точки зрения. А как, например, объясняются многочисленные следы скандинавского присутствия в восточнославянских поселениях, в тех культурных слоях, которые относятся ко времени возникновения государственности Древней Руси (IX-X века)? – Да, собственно, никак не объясняются. О результатах археологических раскопок городищ северно-западной России (Старая Ладога, Новгород, Гнёздово, Тимерево, Сарское) у Сахарова не говорится ни слова. За умалчиванием и предвзятым отношением к фактам должна стоять какая-то конъюнктура. Какая именно? – Не сложно понять какая – это рецидив застарелого спора между сторонниками норманнской и антинорманнской теорий.

На вопрос из какого рода, или из какого народа происходил русский летописный Рюрик, современная историческая наука ответа дать не может. Более того, вряд ли такой окончательный ответ наука даст в обозримом будущем. Возможно в очень далеком и очень счастливом для любителей истории будущем, когда будет изобретена машина времени, и нашим исследователям удастся отправиться в IX век, дабы окончательно прояснить столь важный для российской истории вопрос. Однако сейчас мы не можем быть уверены даже в самом существовании Рюрика. Фактическая, а не легендарная история Руси начинается не с Рюрика, а с киевского князя Игоря, чью жизнь и смерть можно отследить не только по древнерусским летописям, но и по современным Игорю византийским и латинским источникам.

¹⁷ См.: Советская археология выпуск 1. Изд-во «Наука», 1967. – С. 311 – 312.

¹⁸ История России с древнейших времен до наших дней: под ред. А.Н.Сахарова. – М., 2016. – С. 49.

Наследником Игоря, как известно, выступил его сын Святослав, наследником Святослава – сын последнего, Владимир, далее правил Ярослав Мудрый, и так далее через длинную цепочку представителей рода вплоть до Ивана Грозного и его болезненного сына Федора, на котором правящая династия «Рюриковичей» закончилась. Правящая династия закончилась, но сохранились ее ответвления, генеалогия которых отслеживается с древнейших времен, и связывается с конкретными мужскими представителями рода Рюриковичей. В наше время стало возможным провести генетические исследования этих до сих пор сохранившихся Рюриковичей.

Д.И. Иловайский предлагал называть правившую в Киевской, затем Московской Руси княжескую династию не Рюриковичами, а Игоревичами, поскольку Игорь был первым общерусским князем существование, которого исторически подтверждено. Однако в силу сложившейся традиции, эпитет «Рюриковичи» закрепился за многочисленным и разветвленным иго-ревым потомством, поэтому мы все же будем называть это потомство Рюриковичами. Кроме того, если научно не доказано существование упомянутого в Повести временных лет Рюрика, то не доказано и его отсутствие. Князь Игорь также как и любой другой человек имел отца и унаследовал свою Y-хромосому от отца. Был ли его отец ютландским Рёриком, шведским Эйриком или ободритским Рориком, в любом случае достоверно установить не возможно. Но направление для поиска национальных корней Рюриковичей с помощью генетических исследований задать все же можно.

Мужская Y-хромосома ДНК, как известно, не участвует в рекомбинации генов и передается без изменений от отца к сыну. Учеными были исследованы Y-хромосомы ДНК у 191 «Рюриковича». У всех обследованных потомков Владимира Мономаха, а именно князей Трубецкого (Канада), Путятина (Россия), Кропоткина (Россия), Хилкова (Россия), Хованского (Россия), Голицына (Россия) и других, всего 130 человек, или 68 %, была обнаружена гаплогруппа N1c1. У 45 человек (24 %), из другой ветви Рюриковичей, обнаружена гаплогруппа R1a1. У оставшихся: гаплогруппы I (6 %), E (1,5 %), T (0,5 %).

Гаплогруппа N1a1 это «финская» гаплогруппа, встречающаяся у 60 % финнов Финляндии и 40 % прибалтов. Эту же гаплогруппу имеют примерно 35 % жителей русского севера и 16 % жителей центральных областей России (выборка русских севера – 380 человек, выборка русских центра – 364 человека).¹⁹ Мономаховичи N1c1 принадлежат к особому субкладу этой гаплогруппы – N1c1d1. Этот субклад имеет две ветви (кластера), «скандинавскую» и «южно-балтийскую». Представители «скандинавской» ветви в основном проживают на территории Норвегии, Швеции и Финляндии. Представители «южно-балтийской» в Латвии, Литве, Северной Польше и Белоруссии. Субклад разделился около 3500 лет назад, возможно во время миграции с территории Поволжья. Гаплотипы всех обследованных потомков Владимира Мономаха относятся к «скандинавской» ветви субклада N1c1d1. Кроме того, если верить Family Tree DNA, на момент исследований крупнейшей в мире генетической базе данных (информация о ДНК более чем 290 тысяч человек на 2010 год), 12-маркерные гаплотипы 14-23-14-11-11-13-11-12-10-14-14-16, сходные с гаплотипами Мономаховичей чаще всего встречаются в Швеции, в районе Уппсалы.²⁰

Однако это еще не решение проблемы, поскольку без ответа остается вопрос о происхождении гаплотипа R1a1 другой ветви Рюриковичей. Если предок у всех Рюриковичей был один, то и гаплотип у всех должен был быть один. Различие этих гаплотипов может свидетель-

¹⁹ O. Balanovsky, S. Rootsi, A. Pshenichnov, T. Kivisild, M. Churnosov, I. Evseeva, E. Pocheshkhova, M. Boldyreva, N. Yankovsky, E. Balanovska, R. Villems Two Sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context : Am. J. Hum. Genet., Vol. 82, Is. 1, 236—250, 10 January 2008.

²⁰ Волков Владимир Геннадьевич. Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования. – Петербургские Генеалогические Чтения. – СПб, 2012. – С. 11-40.

ствовать о факте супружеской (женской) измены и о том, что кто-то в действительности не Рюрикович. Вопрос только кто?

Отцом Владимира Мономаха был Всеволод Ярославович – третий сын Ярослава Мудрого от брака с Ингигерд (сканд. *Ingegerd Olofsdotter*) – дочерью первого шведского христианского короля Олафа Шётконунга. Брак был политическим, предварительно был составлен брачный договор с взаимными обязательствами. Ингигерд получила в качестве вено в управление русский город Альдейгаборг (то есть Ладогу), который, однако перепоручила ярлу Рёгнвальду Ульвссону, своему родственнику по материнской линии, а сама начала принимать активное участие в государственных делах Руси, причем не как советница мужа, а как абсолютно самостоятельная политическая фигура. Ингигерд имела свой двор и свою дружину из скандинавов, подчинявшихся исключительно ей, а не Ярославу Мудрому. Неудачно сосватанная до Ярослава за молодого норвежского конунга Олафа II, Ингигерд, по сообщениям скандинавских источников, в период замужества за киевским князем, продолжала испытывать к Олафу любовные чувства. Во всяком случае, в «Саге об Эймунде» говорится, что когда ее первый, несостоявшийся жених Олаф II был изгнан из своего отечества и нашел убежище в Новгороде, Ингигерд имела с ним тайную любовную связь.

Всеволод Ярославович отец Владимира Мономаха родился в 1030 году. Олаф же, как известно, предпринял поездку в Новгород в 1029 году. Возражением против версии об R1a1 как настоящем гаплотипе Рюриковичей, в то время как скандинавский кластер N1c1d1 был привнесен в результате измены Ингигерд Ярославу Мудрому, служат два обстоятельства. Во-первых, гаплотип N1c1 был обнаружен не только у потомков Владимира Мономаха, но еще и еще у потомков его дяди – Святослава Ярославича (другого сына Ярослава Мудрого). Во-вторых, при детальном анализе взятых ДНК для большинства носителей гаплотипа R1a1 общий предок, живший в соответствующую историческую эпоху, все равно не выводится. В общем, после всех генетических исследований, более или менее определенного ответа на интересующий историков вопрос, о происхождении Рюриковичей, к сожалению, не было получено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.